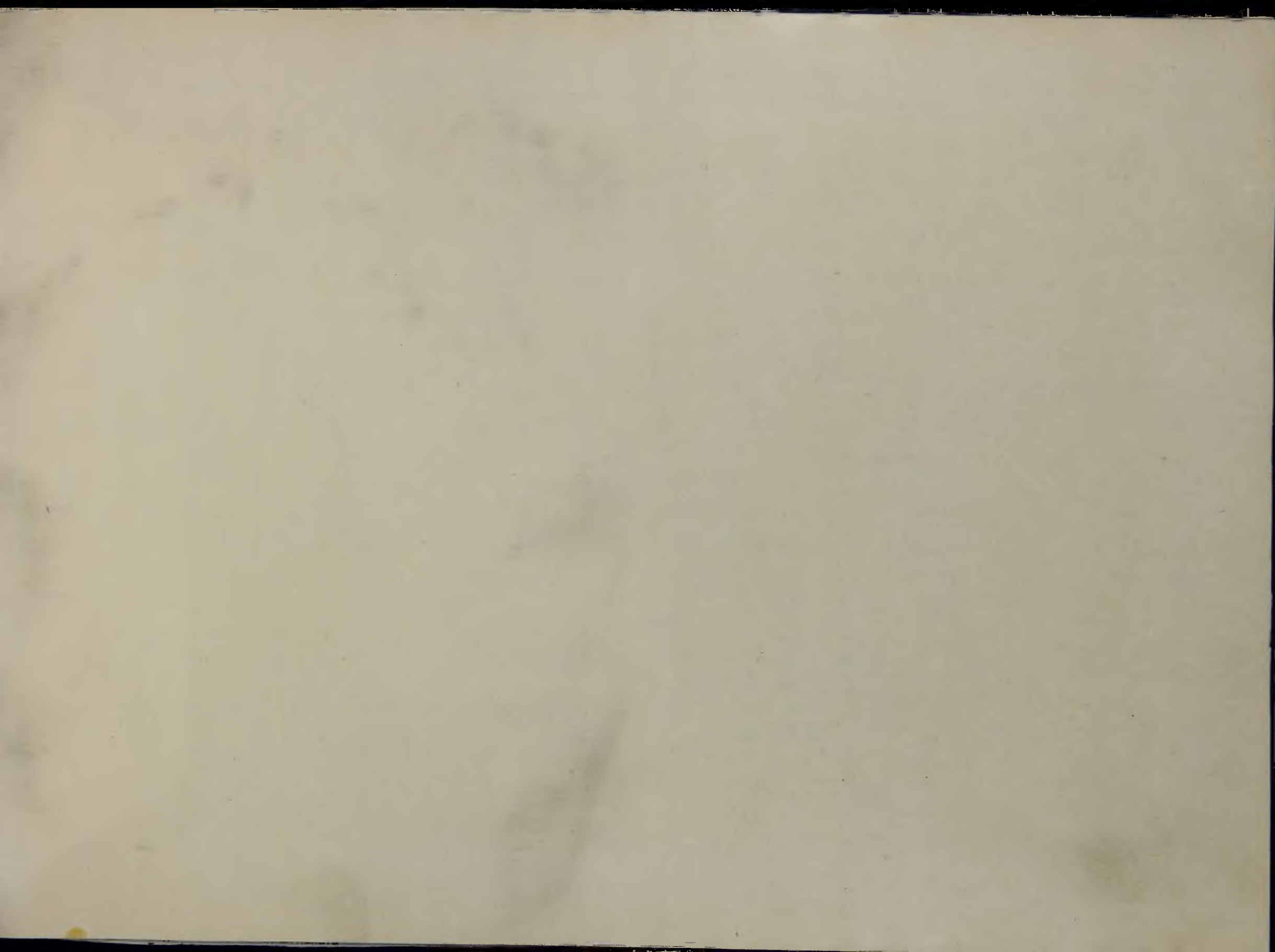

42.1
К п91

Пушной промысел
Охотничий промысел на Тобольском Севере
Уральский охотник, 1924

Охотничий промысел на Тобольском Севере.

Сибирь утратила свою самостоятельность и была завоевана русскими исключительно вследствие своих пушных богатств и, главным образом, — благодаря обилию пушного зверя на Тобольском Севере.

Первые сведения о Сибири, как у Новгородского торгового люда, так и в Москве, касались ближайшей к ним Тобольской губернии и, в особенности, северной ее части.

О пушных богатствах Приобского края ходили тогда легендарные представления: в Ипатьевском списке летописи, под 1414 г., например, можно встретить упоминание о том, как «мужи стари», побывав в Югре, видели там целые тучи всякого рода пушного зверя, в молодом возрасте падавшего с неба и разбегавшегося затем по земле.

В первые годы после падения Кучумова царства туземцы, привозившие ласак (подать) в города, были одеты в собольи шубы и имели лыжи, подбитые собольими же. За обыкновенный медный или даже железный котел торговец в то время получал столько шкур соболей и чернобурых лисиц, сколько их могло в этот же котел вместиться.

Спустя четыре года после завоевания Кучумовой столицы Искера район бывшей Тобольской губернии давал только одной казне по двести тысяч соболей, по десять тысяч чернобурых лисиц и по пятьсот тысяч лучших белок ежегодно, тогда как по всей Сибири за период 1907—1909 годов, например, уже вылавливалось соболя до 70000 шт. только, а по новейшим подсчетам и того менее: до 23—25 тысяч.

Приведенные выше цифры бывшей добычи при оценке соболя в 30 руб., чернобугой лисицы в 100 руб. и белки в 30 коп. дадут сумму:

Соболь—30 руб.×200000	6.000.000 руб.
Лисица—100 руб.×10000	1.000.000 руб.
Белка—30 коп.×500.000	150.000 руб.

Итого . . . 7.150.000 руб.

А для сопоставления—вот вывоз пушнины за границу со всей России за некоторые годы перед войной: в 1903 г.—2.725.000 руб., в 1904 г.—4.435.000 р., в 1905 г.—4.641.000 руб., в 1906 г.—6.095.000 руб., в 1907 г.—4.998.000 руб., в 1908 г.—4.862.000 руб., в 1909 г.—5.964.000 руб. и в 1910 г.—7.925.000 руб.

Хищническое, бесконтрольное хозяйничанье на Тобольском Севере завоевателей, в течение времени свыше трехсот лет, привело, однако, к тому, что улов пушного зверя весьма сократился. Средней цифрой годового вылова пушнины в годы ближайшие к мировой войне обычно берется цифра только в 500.000 зол. руб., а в годы неурожайные (по отношению к пушнине) и еще менее. Так, наприм., 1910 г. (средний по урожаю) дал:

У Е З Д Ы	Выловлено штук разных зверей	На сумму рублей
Тобольский	111396	26610
Березовский	328876	270522
Сургутский	519626	183073

Всего . . . 959898 . . . 480314

Ханты-Мансийская

окружная библиотека

В 1911 г. (засуха) было добыто:

У Е З Д Ы	Выловлено штук разных зверей	На сумму рублей
Тобольский	36388	21679
Березовский	67555	171232
Сургутский	351896	103441
Всего . . .	455839	296352

Итак,—средний современный вылов пушнины всех сортов на Тобсевере (500000 зол. рублей) составляет всего около 7% пушнины только 3-х сортов, поступившей в казну спустя 4 года после завоевания Кучумова царства (7.150.000 зол. руб.).

За годы гражданской войны, помимо исторических причин, в уменьшении вылова пушного зверя сыграли роль: 1) отсутствие до 23 года огнестрельного оружия; и 2) бандинское восстание 1921 г., лишившее 90% охотников оружия (в настоящее время этот недочет уже изживается).

Место Тобольского Севера среди других звероловных районов республики, конечно, не первое, что и понятно: именно ему долгое время спустя по завоевании Кучумова царства приходилось выдерживать на своих плечах разразившуюся «пушную лихорадку».

Приблизительная экономическая ценность звероловных районов Сибири, за исключением Дальнего Востока, такова:

Наименование района	В среднем округло на сумму рублей до военного времени	П Р И М Е Ч А Н И Е
Якутская губ.	свыше 600.000	Займствовано из «Азиатской России», изд. Перм. Упр., 1914 г., стр. 373.
Тобсевер . . .	до 480.000	Из отчетов Тобстаткомитета. 1912 г.
Енисейская губ.	свыше 300.000	Займствов. из «Азиатск. России», изд. 1914 г., т. II, стр. 372.
Томская губ. . .	около 300.000	Сделан подсчет по данным «Россиа» под ред. Семенова-Тянь-Шанского, «Западная Сибирь», т. XVI, изд. 1907 г., стр. 319.
Иркутская губ. . .	около 180.000	Займствов. из «Азиатской России», изд. Перм. Упр., 1914 г., т. II, стр. 372.

Таким образом, Тобольский Север является вторым пушным районом в Сибири (после Якутского), распадаясь, в свою очередь, на четыре звероловных района, о которых еще до настоящего времени нельзя сказать, чтобы они были детально обследованы.

Первый район—составляет бывший Тобольский уезд.

Здесь главными предметами промысла (включая р. Конду с ее верховьями) являются белка и рябчик. Первую бьют (как и в других районах) ружьями и добывают ловушками, а второго—ружьями и, главным образом, силками. Рябчика в довоенное время приходилось на ловца до 100 штук, а белок от 100 до 300.

Общее количество белки (как и в других районах) колебалось в зависимости от того, перекошевывали ли она в данный год к. о. е. урман или отходит в его глубь: такие перекошевки белки совершает периодически, в зависимости от наличия пищи и некоторых других причин. Большое значение, конечно, для размеров улова имеют лесные пожары, от которых белки избегают. Добыча соболя, которым был богат когда-то этот уезд, теперь ничтожна; но в небольшом сравнительно количестве его еще можно найти по р. р. Конде и Туртасу.

В настоящее время, между прочим, с р. Туртаса идут вести, что количество соболя заметно увеличилось за период 1919—1922 г., что объясняется бывшим отсутствием огнестрельного оружия и невозможностью заменить старые негодные ружья новыми, почему количество промышленников уменьшилось, и это благоприятно отразилось на увеличении зверя.

По р. Конде встречается лось, которого в среднем за год промышленник добывает от 5 до 10 штук; в большом количестве сохранился дикий олень; здесь же чаще падаются лисицы, которых добывают капканами в среднем от 4 до 8 шт. на охотника. Из других промысловых животных в Тобольском уезде обыкновенны медведь, волк, колонок и заяц и, кроме того, очень много боровой дичи,—тетерева, глухаря и рябчика,—промысел на которую развит слабо.

Второй район включает в себя южные части Березовского и Сургутского уездов от широты р. Конды до 63 параллели.

Это—наиболее богатый по количеству и разнообразию пушных зверей промысловый район лесной зоны. Объектом охоты служат: белка, соболь, лисица, горноста́й, дикий олень, лось, бурндук, выдра, колонок, медведь, волк, росомаха и заяц. Все перечисленные животные водятся здесь еще в значительном количестве.

Северная граница этого района,—63 параллель,—представляет крайний северный предел распространения соболя, лося и колонка,—далее они уже не встречаются.

Лучший соболь водится по р. р. Югану и южной Сосьве; в хорошие годы его добывали по Югану более 300 штук.

По Югану же и Салыму наиболее развита охота на лосей; здесь же добывалось (в довоенное время) свыше 100,000 белки и по несколько десятков диких оленей в зиму. После этой самой богатой пушным зверем местности нужно поставить место по р. Ваху, где одной белки вылавливалось свыше 200,000 штук. Кроме того, в этом районе необходимо отметить обилие боровой дичи.

Третий район,—к северу от 63 параллели и до полярного круга (лучше до 66 параллели),—является Муже-Кушевский район, с количеством промысловых животных значительно меньшим в сравнении со вторым районом.

Соболь, лось и колонок здесь исчезают, и на первый план выступает охота на лисицу, белку, горноста́я и реже—на медведя, волка, бурндука и выдру. Около 64 параллели последние две породы тоже исчезают, а под 66 параллелью пропадают и белка и медведь.

Последняя параллель служит северной границей распространения боровой дичи (глухарь, тетерев, рябчик), которая в этом районе встречается еще в весьма большом количестве, но до сих пор, как и в предыдущих районах, промышленной эксплуатации не подвергается и вылавливается населением только для собственного потребления*).

Четвертый район, Обдорско-Тазовский, лежит к северу от полярного круга. Из промысловых животных более южных районов здесь остаются только дикий олень, горноста́й, росомаха, волк и—в незначительном количестве—лисица. Но взамен исчезнувших появляется новое ценное промысловое животное—песец белый, реже голубой, которого промышленники ловят, а не добывают, как раньше, с помощью ловушек, а с помощью сетей. В этом же районе в незначительном количестве водятся тундрная куропатка, мясо которой съедается самим промышленником, а в продажу поступают только перо и крылья.

На крайнем севере разбираемого района, в области Карского моря, в северной части Обской и Тазовской губы, существует еще слабо развитый промысел морского зверя (белого медведя, тюленя, моржа).

Кроме всего сказанного, следует добавить, что по всему Тобольскому Северу, а особенно в его северных же районах, существует промысел на водную дичь, (утки, гуси, лебеди), посещающую край в изобилии. Промысел производится, главным образом, ради пера и пуха, который идет в продажу, мясо же солится (иногда даже сушится) для собственного потребления. Особенно в массовом количестве ловится утка, промысел на которую производится и бывает наиболее добычливым весной во время пролета. Ловят уток переселами; в среднем в одну ночь приходится на ловца до 50 шт., и пойманных убивают без разбора,—самцов и самок одинаково,—так что промысел этот нужно считать весьма хищническим, требующим упорной и усиленной борьбы за его прекращение.

*) Для полной характеристики разбираемого района, а также следующего, Обдорско-Тазовского, необходимо добавить, что здесь скопляются и отсюда вывозятся продукты Тобольского северного оленеводства в сыром и переработанном виде. (мясо, шкуры, одежда и обувь из оленьих шкур).

В Сургутском и части Березовского уездов сильно распространено варварское обирание гусиных и утиных яиц.

Количество добытой, а правильно сказать—поступившей на рынок, пушнины, а так же продуктов оленеводства, по данным пушного отдела Тобольского Областного Управления рыбных промыслов и Тобсеверосоюза, за последние 3 года выразилось в следующих цифрах (для сравнения приводятся и цифры среднего годового вылова за период 1912—1916 г.г.).

Наименование	Средняя добыча за период 1912—16 г.г.	В сезон 1919—20 г.	В сезон 1920—21 г.	В сезон 1921—22 г.
Медведей разных	250	220	125	147
Медведей белых	25	11	7	13
Соболей	900	181	141	504
Куниц	175	9	35	125
Ласок	1000	76	312	288
Горностаев	20000	6823	14444	22123
Волков урманых	175	39	35	115
Пешки разной	17500	10861	5157	10784
Колонков	4500	778	568	1804
Лисиц разных	4500	1411	2270	2957
Лисиц чернобурых	50	9	32	29
Росомах	80	50	128	238
Барсуков	50	2	14	24
Крестоватиков	25000	27889	4700	7049
Маток крестоватиков	5000	1254	—	—
Песцов белых	13000	5596	4089	7680
Песцов голубых	27	18	10	26
Недопесков белых	2750	1433	963	967
Недопесков голубых	—	—	5	—
Синяков	2750	1930	657	507
Белок	900000	147029	117387	268236
Зайцев	100000	7042	1841	5240
Бурндуков	—	1193	4274	2563
Выдр	250	35	78	137
Рысей	75	27	6	21
Норников обыкновенных	5000	3368	323	42
Копанцов	—	207	—	18
Неплюев	4500	2092	856	1078
Бобров	—	—	1	—
Оленины разной	25000	18000	9174	18,903
Лосей	283 п.	109	300	398
Лебедин	300	99	120	151
Шкур куропаточных	—	—	577	81
» орлиных	—	—	41	—
» гагачьих	—	—	102	81
» филиновых	—	—	15	—
» разных	—	—	—	57
Крыльев куропаточных	50,000	200,000	14669	1240
» разных	—	—	—	—
Пуху	20 п.	8	3 п. 28 ф.	22 п. 02 ф.
Пера разного	2000	500	792 п. 25 ф.	774 п. 05 ф.
Шерсти лосиной	—	—	Оп. 35 ф.	—
Шерсти оленьей	—	—	39 п. 06 ф.	—
Рогов лосиных	—	—	19 п.	—
Рогов оленьих	—	—	—	—

Наименование	Средняя добыча за период 1912—16 г.г.	В сезон 1919—20 г.	В сезон 1920—21 г.	В сезон 1921—22 г.
Мамонтовых клыков	—	—	1 п.	1 п. 32 ф.
Лбов оленьих	—	—	1787 шт.	—
Кисов оленьих	—	—	4077	—
Гусей (одежда)	—	—	10	628
Лап оленьих	—	—	1571	36741

Таковы цифры результатов охотничьего промысла на Тобольском Севере, дающие некоторое представление о богатствах этого до сих пор еще малообследованного края.

В. Ж.

БЕЛКА И ЕЕ СОРТИРОВКА.

Основой пушного промысла на Урале и в прилегающих местностях является добыча белки. Беличьих шкурок повсеместно заготавливается несравненно больше, чем каких было то ни было других, и от них получается едва-ли не треть всего того дохода, какой дает пушнина нашему народному хозяйству вообще.

Почти вся заготавливаемая у нас белка в настоящее время вывозится на зарубежный рынок, который предъявляет чрезвычайно строгие требования к сортировке ее, а также и к с'емке, и значительно понижает цену на товар, не удовлетворяющий этим требованиям, нередко даже вовсе бракуя его.

Понятно, при этих условиях, что такие же требования волей-неволей должны предъявляться и к промысловикам при приемке у него шкурок со стороны заготавливающих организаций, работающих, главным образом, для экспорта, так как внутреннее потребление беличьих шкурок в данное время сравнительно ничтожно.

Выяснить качество белки в разное время года, познакомиться с методами ее приемки и сортировки и дать необходимые краткие указания по поводу наиболее целесообразной с'емки ее, применительно к современным требованиям,—и составляет задачу последующих строк.

К первому мая нового стиля, когда (в большинстве местностей Урала) белка почти окончательно становится вылинявшей, она приобретает бурую окраску и становится „красной“, как называют ее пушники. В этот период шкурка ее не представляет никакой ценности: волос на ней бывает короткий и редкий и не имеет того подпушья, или подшерстка, которые так ценятся в мехах. Поэтому такая шкурка почти не находит сбыта и расценивается в десять раз дешевле против выходной зимней. В такой шкуре белка остается до сентября, когда она начинает перебираться, т. е., линять.

Белка, убитая в сентябре, опытными пушниками совершенно не принимается. Период линьки продолжается неопределенное время, в зависимости от климатических условий, а также и от питания и возраста данного зверька. Если белка летом держалась в хороших кормовых местах, то у нее процесс линьки проходит быстрее, молодая же (прибылая) белка, вне зависимости от питания, с линькой обыкновенно за-

паздывает. Окончательно заканчивается период линьки в большинстве местностей Урала не ранее первого ноября нового стиля.

В виду отмеченного разнообразия сроков линяния, белка в октябре имеет разное качество шкурки и расценивается разное. В первой половине месяца шкурка ее с хребта в большинстве случаев бывает уже перелинявшей, но волос еще короток и недостаточно пушист, а бока, лапки и голова сохраняют красный окрас,—и такая белка называется полуволосой и подполью.

Подполь бывает полуволосая и полноволосая с хребта, опять таки в зависимости от вышеуказанных причин, и расценивается, по сравнению с выходной чистой белкой, так: первая (полуволосяя) от 3 до 4 штук за одну, т. е., идет за третью и четвертую часть стоимости выходной белки; вторая,—подполь, более поздняя, имеющая на хребте полный волос,—расценивается в 2 шт. за одну, т. е., в половину стоимости выходной.

В конце октября эта же белка становится уже более чистой, имеет полный волос, но не совсем еще очищенную голову и лапки у основания, и называется тогда синюшкой. Принимают ее три штуки за две выходных.

Кожа (мездра) вылинявшей зимней и летней белки бывает совершенно белая, в период же линьки мездра делается темно-синей и, по мере очищения, переходит в белую не сразу: темно-синий цвет постепенно бледнеет, и очистка мездры идет от зада по хребту и бокам в направлении к голове, которая очищается всегда последней вместе с передними лапками.

Белка неполноволосая, битая в первой половине октября, так называемая подполь, о которой говорилось уже выше, имеет окрас мездры на всем протяжении спины синий. Подполь же более полноволосая, расцениваемая в половину стоимости выходной, имеет более слабую по густоте синего цвета окраску мездры и в большинстве случаев уже побелевшую в задней части хребта.

Белка-синюшка имеет синий окрас, еще ярко выделяющийся на голове и переходящий по шее с правого и левого бока к передним лапкам, но уже слабый, еле заметный до половины хребта от головы. Поэтому она и носит название синюшки.

Все описанные здесь сорта носят общее название осеновки, т. е. осенней белки.

Далее, на рынке, хотя и не в большом количестве, встречается белка весновка, т. е., битая весной. Узнается она частью по ненормальной белесоватости волоса, но, главным образом, путем легкого потеребивания в задней части хребта: у весенней белки волос держится в мездре слабо, и от легкого подергивания за мех более длинный ворсовой волос остается между пальцами.

Чистая зимняя выходная белка подразделяется на несколько сортов. Лучшей по окрасу и наиболее дорогой по цене считается темная, как-то: камчатская, нерчинская, иркутская и вообще северная. Второй по качеству считается наша уральская белка, а третьей—встречающаяся к югу от Урала, так называемая киргизская или южная белка.

Северная сибирская белка в сравнении с уральской отличается более темной окраской меха и расценивается копейек на 20—30 в штуке дороже.

Уральская белка имеет в большинстве случаев более светлый окрас, хотя нередко встречаются шкурки, близкие по окрасу к иркутской.

Следует сказать, что вообще на Урале окрас белки чрезвычайно разнообразен. Объясняется это наличием различных пород хвойного леса, и поскольку данная белка держится преимущественно в той или иной его породе, постольку она и приобретает соответствующую окраску. Например, белка, живущая в кедровых, пихтовых и еловых лесах, принимает более темный окрас по сравнению с более светлой белкой, живущей в лесах сосновых, лиственных и вообще смешанных.

На Урале же встречаются белки и с рыжеватым оттенком, в виде узкой полоски по хребту. Это—так называемая дуплянка, т. е., белка, гнездящая и живущая в дуплах деревьев сосновых и лиственных пород.

Южнее, ближе к Уфимской губернии, попадает белка, имеющая довольно ярко выраженный красный оттенок. Она некоторыми заготовителями пушнины почему-то называется «горбылкой», тогда как гораздо правильнее, по существу, было бы называть ее «краснохребтовой». При приемке такая белка расценивается по неизвестным основаниям, а вернее—без всяких оснований, на десять процентов ниже чистой обыкновенной уральской белки, или же принимается, как синюшка, т. е., три штуки за две. Для боль-

«Уральский Охотник».

В. В. Васильев.

О соболе в Тобольском округе.

(К статье „Географическое распространение соболя и районы соболинного промысла“ Г. Дотпельмайера).

ЮЖНАЯ граница распространения соболя в Тобольском Округе, в настоящее время, не везде совпадает с границей, указанной в статье. С западной границы Тобольского Округа распространение соболя идет действительно по реке Тапсу, переходя в юго-восточном направлении и на правые притоки реки Конды, приблизительно до озера Турсунского. Далее, в восточном направлении, соболь, в большом количестве, распространен по среднему течению р. Конды до с. Нахрачинского, по вершинам ее левых притоков:—Мулымье, Б. и М. Тетерам, Тапу и Ю. Конде. По правым притокам р. Конды, в том числе и Куме, соболь встречается редко и за последние годы в этом районе замечено увеличивающееся количество куниц, выходящих на верховья рек Носки, Алымки и Тюмки—левых притоков реки Иртыша. Ниже села Нахрачинского, до р. Иртыша, соболь бывает проходом в весеннее время. Главный промысел на соболя, в южных районах его распространения, по левую сторону р. Иртыша и Оби производится на, так называемой, „Полуденной горе“, проходящей по водоразделу между правыми притоками М. Сосьвы и вышеуказанными левыми притоками р. Конды с одной стороны,—и вершинами рек, впадающих непосредственно в р. Обь, Ягурьяха, Ендыря, Хугота и Нянягана—с другой. С вершины рек Ягурьяха и Ендыря, в нынешний промысловый сезон 25/26 года, поступило к заготовителям до 150 штук соболей. По правую сторону реки Иртыша, по среднему течению рек, впадающих в Обь с левой стороны,—Салыму, Б. и М. Юганам и по среднему течению правого притока р. Иртыша,—Демьянке, соболь встречается спорадически.

Более постоянен соболь в вершинах указанных рек. Что же касается нижнего течения р. Демьянки и ее притоков в этой части. Кеуме с Немичем, Нелыма, Перла, Кальчи, Хатыньсеге, Шарниковой, Марьяка и Куньяка, то соболь там не водится.

Также как и в нижнем течении реки Конды, он бывает там случайно, в весеннее время—проходом—и то не каждый год. Но за то по рекам

Б. и М. Туртасам соболь гнездится, правда, в весьма ограниченном количестве,—и в наши дни.

В этом районе соболь держится, преимущественно, по уцелевшим от пожаров кедровым островам, главным образом, правых притоков р. Б. Туртаса, Атыса, Кадияра, Исювы, Антурсу и Куяка и в меньшем количестве, в развилке, между Большим и Малым Туртасом. Отсюда соболь имеет тенденцию к распространению по периферии. Этот район распространения соболя, доходящий почти до 58° восточной долготы, надо считать самым южным по Тобольскому Округу.

Белюсов.

К вопросу о Тапсуйских бобрах.

В январском номере „Уральского Охотника“ за 1926 г. помещена интересная заметка т. С. Корчева „О Тапсуйских бобрах“. Она невольно всколыхнула в моей памяти дела давно минувших дней. В 1912 году, по поручению Министерства Земледелия, Отдела Рыболовства и Охоты, мне пришлось обследовать соболиный промысел и промысловую охоту вообще Чердынского и Верхотурского уездов Пермской губернии. С этой целью я переехал из вершины Печоры в вершину Лозьвы и на перевале (в вершине речки Манской волочницы) от остояков Алексея и Николая Пакиных и Василия Индусоса слышал очень определенные рассказы о том, что по реке Тапсу есть бобры и добыть их можно. С Алексеем мы сговорились ехать туда в следующем, 1913, году. Мне хотелось прожить там столько, чтобы собрать достаточные коллекции и материалы по биологии этого интереснейшего зверя. Отдел Рыболовства и Охоты пошел навстречу и, дав мне в помощь студента Лесного Института А. М. Фрязинова, организовал для изучения Тапсуйских бобров специальную экспедицию. Все было готово к отъезду, но . . . нужные авансы, по чисто формальным, бюрократического характера, причинам нам не были отпущены во время. А затем средств не дали и совсем, хотя все крайне сочувственно относились к этой экспедиции. Так мы и не видели Тапсуйских бобров.

Попутно сообщая, что недалеко от моего настоящего местожительства, в Уранхае (Тувинской Республики), по р. Систигему есть речные бобры, по всей вероятности тот же вид—*Castor fiber*.

Теперь многие колхозники, эвенки и русские, регулярно читают и выписывают газеты, журналы и книги на русском языке³⁰. Особой популярностью пользуется журнал «Охота и охотничье хозяйство», книга «Угрюм-река» В. Г. Шшкова, в свое время посетившего район Нижней Тунгуски.

Во время пушного промысла некоторые охотники ведут дневники, отмечая состояние погоды, поведение животных и т. п. Почти в каждом доме сейчас есть радио, сообщения которого, особенно последние известия, русские и эвенки слушают с большим интересом. Кроме того, в помещении Красного чума постоянно проводятся доклады, вечера, показываются кинокартины³¹. Самые высокие отзывы у эвенков получили, например, такие фильмы, показанные в 1958—1959 гг.: «Балтийская слава», «В добрый час», «Страницы былого», «Огненные версты», а также хроникальные, документальные и научно-популярные картины.

О том, насколько выросли запросы колхозников, может свидетельствовать такой факт: при обсуждении плана культурного строительства на 1959—1965 гг.³² эвенки выдвигали предложения о скорейшем открытии в поселке восьмилетней школы, а также ставили вопрос об организации телевизионных передач из Иркутска и других городов страны.

* * *

Созданный в результате коллективизации производственный коллектив артели «Победа» успешно развивает лучшие традиции местного эвенкийского и русского населения. Такое взаимодействие двух культур позволяет наиболее полно и разумно использовать природные возможности этого таежного края. В современном коллективизме комплексном промысловом хозяйстве производственные навыки и знания эвенков и русских старожилов обогащаются и совершенствуются, чему и в дальнейшем будет способствовать общий подъем культуры населения, развитие политехнического образования и применение новейших достижений техники и науки.

Важное значение имеет тесное переплетение и сближение некоторых особенностей материальной культуры, например, в постройках и домашних утвари, одежде, пище и т. д. Можно предположить, что дальнейшее совместное развитие этих групп населения приведет к сложению новой, весьма своеобразной этнической общности.

³⁰ В разговорном языке отмечается двуязычие, особенно в смешанных по национальному составу семьях.

³¹ За один год показывается 80—90 полнометражных художественных фильмов, причем некоторые демонстрируются по два-три раза, что составляет не менее 200 сеансов.

³² Об этой инициативе колхозников артели «Победа» сообщает корреспонденция «Почин Токминцев — всем Советам» в газете «Красный Север», № 58 и № 59.

В. И. ВАСИЛЬЕВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОРУДИЙ ЗАПОРНОГО РЫБОЛОВСТВА ОБСКИХ УГРОВ

Запоры, или заколы, являются древнейшими орудиями коллективного рыболовства, известными человечеству. Археологические находки на севере (Кольский полуостров) и в средней полосе нашей страны позволяют установить наличие запорного рыболовства у охотничье-рыболовческих племен, заселявших эти территории в эпоху неолита¹. Данные этнографии показывают, что устройство запоров было знакомо и наиболее отсталым народам земного шара: австралийцам, огнеземельцам, индейцам бассейна Амазонки, стоявшим по развитию форм материального производства на уровне раннего неолита и даже мезолита, а в общественном отношении вплоть до XIX в. сохранявшим первобытнообщинный строй. В Сибири ко времени прихода русских запорное рыболовство в весьма развитых формах существовало у хантов и приобских манси, нивхов, береговых коряков, а также у некоторых групп селькупов, кетов и юкагиров.

Запорному рыболовству обских угров посвящена довольно обширная литература. Сведения об устройстве отдельных орудий лова содержатся в многочисленных описаниях путешествий, отчетах экспедиций на Урал и в долину р. Оби. Однако специальных работ, посвященных происхождению и генезису орудий рыболовства обских угров, почти нет. Единственным исследователем, попытавшимся разрешить эти вопросы, был У.-Т. Сирелиус, опубликовавший в начале 1900-х годов монографию «О запорном рыболовстве у финно-угорских народов»². По богатству этнографических материалов работа Сирелиуса сохраняет свое значение до наших дней; в то же время выводы автора относительно происхождения отдельных орудий обско-угорского рыболовства в целом умозрительны.

В своей концепции развития орудий и предметов материальной культуры финно-угорских народов У.-Т. Сирелиус исходил преимущественно из этнографических данных. Определенные «типы» предметов материальной культуры он группировал в так называемые ряды развития, причем само развитие понималось как прямолинейный эволюционный процесс от простого к сложному. В то же время У.-Т. Сирелиус отводил большое место

¹ См. Н. Н. Гурьина. Оленеостровский могильник. — МИА, № 47, 1956; И. С. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине реки Оки, верховьях Волги. — Записки РГО по отделению этнографии, вып. IX, 1882; В. В. Федоров. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины реки Оки. — «Советская археология», сб. 2, 1936.

² U.-T. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

заимствованиям отдельных явлений материальной культуры финно-угорских народов³.

Искусственность и умозрительность построенной Сиреллусом схемы развития обско-угорского жилища показана З. П. Соколовой⁴. На основании накопленных за последние десятилетия этнографических и археологических материалов, а также данных лингвистики происхождение и развитие орудий заповного рыболовства рисуется несколько иначе, чем представлял У.-Т. Сиреллус.

* * *

Решение вопроса о времени возникновения тех или иных рыболовных орудий хантов и манси невозможно вне связи с изучением этнической истории формирования этих народностей. В своей концепции развития снарядов обско-угорского рыболовства У.-Т. Сиреллус исходил из господствовавшей в то время (конец XIX — начало XX в.) теории так называемой волжско-камской прародины финно-угорских народов. Эта теория, опирающаяся главным образом на биогеографические данные, и поныне имеет широкое распространение преимущественно среди языковедов⁵.

Изучение материалов археологических памятников Западной Сибири, ставших известными главным образом благодаря раскопкам В. Н. Чернецова, позволило этому исследователю выдвинуть новую гипотезу происхождения обских угров. По В. Н. Чернецову, в неолитических памятниках таежной зоны бассейна Оби можно проследить наличие двух компонентов: южного (прафинно-угорского) и северо-восточного (праюкагирского). Сходство материалов памятников нижне-обского неолита с материалами кельтеминарской культуры Приаралья, впервые отмеченное С. П. Толстовым⁶, дает основание включать эти области в единую этнокультурную общность. Это позволяет, по мнению В. Н. Чернецова, рассматривать Приаралье как древнейшую прародину людей уральской общности, из которой уже в пределах IV и III тысячелетий до н. э. выделились праюкагирская, прасамоедская и прафинно-угорская ветви, причем праюкагиры раньше других начали продвижение на Север. К середине III тысячелетия до н. э. финно-угорская этническая общность распадается на финно-пермскую и праугорскую ветви. Эпоха бронзы на территории Зауралья и Приобья (II тысячелетие до н. э.) связана с единой праугорской этнической общностью, в которой, однако, различаются три локальные общности, представленные соответствующими группами археологических памятников: уральская (праманси), нижне-обская (праханты), омская (угры-савыры). Праугры в эту эпоху, видимо, еще сохраняли языковой контакт с прасамоедскими группами, заселявшими лесные и лесостепные районы на востоке современной Омской области и далее вплоть до Енисея, так что относительно времени бронзы возможно говорить о существовании угро-самоедской этнокультурной общности. Сложение совре-

менных обско-угорских народностей В. Н. Чернецов относит ко времени возникновения в низовых Оби усть-полуйской культуры (IV в. до н. э.), в формировании которой большая роль принадлежала уграм-савырам продвигавшимся на Север из степей и лесостепей Припиртышья в середине и второй половине I тысячелетия до н. э.⁷

Крайне сложный этнический процесс формирования обско-угорских народностей отразился и на развитии различных форм их материальной культуры. К сожалению, памятники западносибирского неолита недостаточно изучены. Археологические материалы не дают нам представления о конструкции древнейших заповров. Об их устройстве можно в какой-то мере судить лишь на основании данных этнографии.

Наиболее простыми по конструкции и несомненно очень архаичными рыболовными заграждениями Нижнего Приобья являлись так называемые заповры-ловушки. К одним из самых примитивных рыболовных орудий этого типа следует отнести заграждения, устраивавшиеся весной или осенью на небольших речках кондинскими манси. Заповр представлял собой частую изгородь из хвороста, перегораживающую речку или ручей во время массового хода рыбы. Принцип лова основывался на том, что рыба в поисках прохода забиралась в хворост и запутывалась в нем⁸. Продуктивность подобного способа лова была, конечно, очень низкой.

Более совершенными формами заповров-ловушек являлись заграждения из двух загородок, сооружавшиеся на быстрых уральских речках осенью во время хода спускающейся вниз по течению рыбы. Такие заповры, называвшиеся «шохран» (в русских говорах Северного Урала), «сохрип» (манс. лит.), «сахгар» (манс. конд. диал.)⁹ делались из изгородей, направленных от берегов под углом к течению реки. Иногда подобным образом устраивалась лишь одна изгородь, а другая была направлена от берега поперек течения реки. Рыба, устремлявшаяся в проход между заграждениями, добывалась с помощью сака, остроги и других подобных орудий. Описание лова такими заграждениями у манси в конце XVIII в. содержится в работе П. С. Палласа. Заповры устраивались поздней осенью на небольших речках для лова налима. В проходе между загородками дно устилалось белой берестой. Налим, столкнувшись с заграждением, добирался до прохода, и его темное тело хорошо выделялось на фоне бересты. Тут его и поражал охотник¹⁰.

⁷ Подробное обоснование этой гипотезы дано в работах В. Н. Чернецова. См. В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. — КСИМК, IX, 1941, стр. 18—28; его же. Древняя история Нижнего Приобья. — МИА, № 35, 1953, стр. 7—71; его же. Усть-Полуйское время в Приобье. — МИА, № 35, 1953, стр. 221—241; его же. Древнейшие периоды истории народов уральской (финно-угор-самоедской) общности. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов и сообщений, Иркутск, 1960, стр. 53—59.

⁸ Об этом типе рыболовных заповров нам сообщил В. Н. Чернецов, которому выражаем свою глубокую благодарность за ценные советы и указания во время подготовки настоящей статьи к печати.

⁹ Терминология названий шохрана приводится по А. К. Матвееву. См. А. К. Матвеев. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — Уч. зап. Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького. Языкознание, вып. 32, Свердловск, 1959, стр. 79; у У.-Т. Сиреллуса приводится другое название аналогичного заграждения в кондинском диалекте мансийского языка — «ältäm». См. U.-T. Sirelius. Указ. соч., стр. 101.

¹⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, кн. 1. СПб., 1788, стр. 113. Сохранение подобного типа заповров, как нам кажется, подтверждает мнение П. А. Дмитриева, что огромное количество находок индивидуальных рыболовных орудий (наконечников гарпунов, острог и т. д.) в восточно-уральских памятниках эпохи неолита и бронзы говорит о применении их в сочетании с рыболовными ловушками-заповрами. См. П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе. — Известия ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 200.

³ Подробный критический анализ воззрений У.-Т. Сиреллуса сделал профессор Кууста Вилкун в своем докладе на конгрессе финно-угроведов в октябре 1960 г. в Будапеште (см. K. Wilkuna. Die Finnisch-ugrische Ethnologie heute. Nemzetközi Finn-ugor Kongresszus, Budapest, 1960).

⁴ З. П. Соколова. К истории жилища обских угров. — «Советская этнография», № 2, 1957, стр. 88—105.

⁵ См. например: J. N. Sebestyen. Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker. Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 1, fas. 2—4, Budapest, 1952, стр. 273—346; П. Хайдю. К этногенезу венгерского народа. — Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae, t. 2, Budapest, 1953, стр. 247—316.

⁶ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. — «Вестник древней истории», № 1, 1941, стр. 158; его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64.

Материалом для описанных выше запоров служили сосновые или еловые дранки, тальник, хворост, берзовые и еловые ветки, хвоя. Из тальника, связанного у концов саргой¹¹, изготовлялись щиты, крепившиеся затем к вертикально вбитым в дно реки деревянным кольям. На протоках и небольших речках запорами служили земляные забойки (дамбы). Осенние земляные заграждения для запираания протоков соров (заливных лугов) описаны В. Ф. Зуевым и Н. А. Варпаховским¹². Сооружались они весной в начале половодья или осенью со спадом воды. В сентябре, октябре перед заморозками забойка раскапывалась, и вода с шумом устремлялась в короб, устраиваемый ниже заграждения с внешней стороны, куда перед рекоставом, с началом замерзания соров скатывалась рыба.

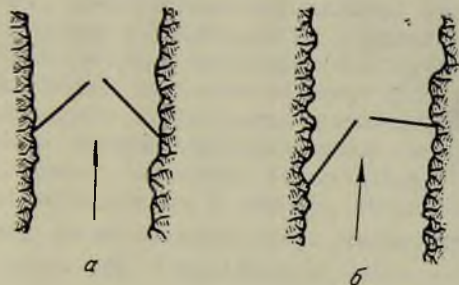

Схема установки шохрупа

Для решения вопроса о происхождении запорного рыболовства предков обских угров большое значение может иметь сопоставление заграждения для коллективного промысла рыбы (запоры) с заграждениями для коллективной охоты на лося, соорудившимися манси, юкагирами, шорцами и некоторыми другими народами Сибири. Сущность этого способа охоты заключалась в том, что на путях сезонного движения лосей осенью (обычно в августе — сентябре) сооружались длинные изгороди из жердей, достигавшие иногда до 70 км в длину¹³, между которыми в проходах на тропах вырывались замаскированные землей или мхом ловчие ямы или ставились настороженные самострелы.

В конце XVIII в. охота с изгородями и ямами велась большесемейными коллективами, о чем имеется сообщение, в частности, у П. С. Палласа. «Каждая вогульская семья, — пишет он, — в округе своего владения заняла на выгодном месте изгородку, простирающуюся иногда до 12 верст и состоящую либо из одного тонкого плетня, либо из молодых сосен и елей между засек насажденных... В некоторых расстояниях пущены напряженные творила или ловчие ямы для ловли проходящих зверей»¹⁴.

¹¹ Сарга — кедровый корень, расщепленный пополам и вымоченный для гибкости и эластичности в воде.

¹² В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772). М.—Л., 1947, стр. 72; Н. А. Варпаховский. Рыболовство в бассейне реки Оби. СПб., 1898, стр. 20. См. также Б. Г. Иоганзен и А. П. Петкевич. Запорный промысел рыбы в Западной Сибири и его рационализация. Томск, 1945, стр. 16. На р. Вахе еще в начале 1900-х годов устраивались зимние земляные забойки. Течение незамерзающих рек заваливали снегом. С внешней стороны запора ставились морды, куда буквально набивалась лишенная «живой воды» рыба. См. Д. Садовников. С реки Ваха Сургутского уезда. — Ежегодник Тобольского Губ. музея, вып. XIX (1909 г.), Тобольск, 1911, стр. 12.

¹³ В. Павловский. Вогулы. — Уч. зап. Казанского ун-та, кн. 6—7 (прилож.), 1907, стр. 25.

¹⁴ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. II, кн. 1, стр. 227.

Указание П. С. Палласа о том, что каждая мансийская семья занимала изгородку длиной до 12 верст (при общей протяженности изгороди около 70 км) чрезвычайно важно. По данным К. Д. Носилова, охотничьи и рыболовные угодья зауральских манси еще в середине XIX в. продолжали оставаться в собственности отдельных родов и пользование ими производилось сообща и одновременно всеми членами родового коллектива. Самовольная ловля рыбы в пределах родового угодья запрещалась. В сооружении запоров принимали участие все члены рода, жители поселка или стойбища. Однако, когда дело касалось использования сооружений и распределения продуктов улова, на первый план выступала большая семья. Запоры на больших реках делились на равные доли по числу семей, и каждая семья ставила собственные ловушки на своей части заграждения. На будущий год эту часть запора занимала другая семья, на третий — следующая и т. д. Это объяснялось стремлением равномерно распределить рыболовные угодья в различных местах речного русла между всеми семьями данного рода¹⁵. Во времена Палласа охотничьи изгороди у манси, очевидно, также являлись родовыми орудиями промысла. В сооружении их принимали участие все трудоспособные члены рода, а затем определенные части заграждения распределялись между отдельными большими семьями, в распоряжение которых поступали продукты охоты. «Они крепко стерегут, чтобы сип изгороди были безопасны и наблюдают... чтобы в тех местах никто не охотился, сена не косил, деревьев не рубил, не селился, неже своровал бы уловленной дичи»¹⁶.

В то же время по своим приемам и по общей конструкции заграждений, этот вид коллективной родовой охоты, как отмечает П. Н. Третьяков¹⁷, очень напоминает коллективный промысел рыбы запорами. Несомненную этимологическую близость обнаруживают и названия этих орудий промысла в сосвинском диалекте мансийского языка. Ср. «ula» — охотничья изгородь¹⁸ и «ūlat» — рыболовное заграждение (ез или заездок)¹⁹ для установления вожанов (см. ниже), а также «ūlat-ūsma»²⁰ — вожан, причем манс. «uus», «uusum» означает изгородь, загон, «uśmā», «uśem» — рыболовный запор, а хант. «wocem»²¹, «qō ōzēm» (Верхняя Демьянка) — вожан²². Хант. «qitšēm» (Нижняя Демьянка) К. Ф. Карьялайнен переводит — «altertümliche Fangfischerei» (старинное рыболовное орудие). Ср. хант. «qōtšēm» (Конда) — вожап²³.

Устройство охотничьих изгородей, несомненно, чрезвычайно древний способ охоты. Органические остатки костей животных, обнаруженные в культурном слое землянки одной из наиболее ранних неолитических стоянок Нижнего Приобья — Час-тый-яга, расположенной на мысу в пойме

¹⁵ К. Д. Носилов. Юридические обычаи манси. — Сб. материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее, вып. 3, М., 1888, стр. 65—67.

¹⁶ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. II, кн. 1, стр. 227.

¹⁷ П. Н. Третьяков. Первобытная охота в Северной Азии. — Известия ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 243.

¹⁸ В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова. Краткий мансийско-русский словарь. М.—Л., 1936, стр. 106.

¹⁹ U.-T. Sirelius. Указ. соч., стр. 104. Ез — заграждение конструктивно почти не отличающееся от шохрупа (см. ниже) и перегораживающее всю реку; в воротах еза обычно устанавливаются ловушки: морды или верши. Заездок — заграждение типа еза, перегораживающее часть реки.

²⁰ U.-T. Sirelius. Указ. соч., стр. 109.

²¹ B. Collinder. Finno-ugric vocabulary. An Etimological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm, 1955, p. 44—45.

²² K. F. Karjalainen. Ostjakisches Wörterbuch, t. I. Helsingfors, 1948, стр. 262a.

²³ Там же.

р. Ляпин, позволяют установить, что одним из главнейших объектов охоты ее обитателей был лось²⁴.

Все эти данные, как нам кажется, дают возможность предполагать, что восходящие по происхождению к палеолитической загонной охоте изгороди для охоты на лося могли послужить основой, на которой развились древнейшие типы заборов у предков обско-угорских народов.

Возникновение заборного рыболовства относится, вероятно, ко времени существования финно-угорской общности. Приводимые Б. Коллиндером самодийские аналогии манс. «ula» (в значении шест) и «uus», «uštā» (в значении ограда) отражают, по-видимому, лишь древние уральские корни этих слов. Это подтверждает и сравнительный этимологический анализ обско-угорских названий других типов заборных заграждений по уральским языкам, обнаруживающий наличие соответствующих параллелей в финно-угорских и отсутствие их в самодийских языках.

Многообразие типов заборных заграждений получило отражение в их терминологии по различным диалектам обско-угорских языков. Большие летние и зимние сплошные заграждения называются по-хантыйски — «пол»: «sās-pōne-pōl» — летний вершевый забор, «as-pōl» — зимний забор (Нижняя Обь), «pal» — вожанный забор (Вах)²⁵. Небольшие прибрежные (частичные) заграждения и заборы, устраиваемые на соровых протоках в конце лета, носят название «вар» (хант. лит.) — забор, «vūār» (средняя, или сургутская Обь, Юган, Конда); «vār», «vār-put» (Васюган), «vār-put» (Вах), «vūār», «vūār», «veār» (Нижняя Обь). В кондинском диалекте мансийского языка такие заборные заграждения называются «uār», «toi-uār» — летний забор. К той же основе восходит, как нам кажется, и мансийское литературное «арпи» — забор; «ārpī» (Сыгва), «āgr», «āgr» (Конда)²⁶.

Аналогии венг. «fal» (хант. «pal») — забор и «vejsze» — котец, приводимые ниже по Б. Коллиндеру, как указывает П. Хайду, прослеживаются по многим финно-угорским языкам²⁷. Ср. венг. «fal» — стена, фин. «rato» — заграждение, плотина, саам. «buođo—buođo» — заграждение для сетного лова лосося, хант. «pāl», «pāt» — запруда; венг. «vejsze», «vész», мар. «waža» — запруда (рыболовная ловушка), хант. «at» — забор, изгородь²⁸.

Точно так же обстоит дело и с обско-угорскими словами для обозначения частичных заграждений. Ср. хант. «vār», «vūār», «vūār», «vār», «vār-put» — забор; «virŋe» (Пим, Салым), «virŋi» (сургут. Обь, Аган, Юган), «vār-put» (Васюган, Вах) — котец; манс. «vieri», «vēri» — котец; венг. «varsa» («vorsa») — верша²⁹, «verés» — поперечная загородка в горле котца; фин. «verkko» — заграждение, сеть, сетка³⁰.

Сопоставляя хантыйское «ver» — забор, мансийское «vēri» — котец с иранским «vagu», «vegu» — забор, известный венгерский этнограф

²⁴ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских угров. — КСИИМК, т. IX, 1941, стр. 19.

²⁵ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 108—110.

²⁶ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 107—108.

²⁷ П. Хайду. Указ. соч., стр. 272.

²⁸ B. Collinder. Op. cit., S. 106.

²⁹ Относительно венг. «varsa» («vrša») существует и другое мнение, согласно которому — это славянское заимствованное слово. См. Fr. Miklošich. Die slavischen Elemente im Magyarischen. Wien, 1871, стр. 61. К этой точке зрения присоединяется и У.-Т. Сирелиус. См. U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 409.

³⁰ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 101—102, 107—121. M. A. Castren. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Petersburg, 1856, s. 51. Финско-русский словарь. Под ред. Е. П. Лаатикайнен. М., 1942, стр. 253.

Б. Мункачи высказал предположение об иранском происхождении указанных слов обско-угорских языков³¹. К этой точке зрения присоединился и У.-Т. Сирелиус³². Иранские племена, возможно саки, действительно были юго-восточными соседями кочевников угров-савыров во II тысячелетии до н. э., что однако еще не может служить достаточной аргументацией в пользу мнения Мункачи—Сирелиуса.

Названия заборов и плетеных ловушек, восходящие к тому же корню, что и финно-угорские термины для аналогичных снарядов, обнаруживаются не только в иранском, но и ряде других индоевропейских языков (ср. слав.: рус. «верша», серб. «врша», чеш. «врше», словен. «врша»; лит. «varžas» — верша; санскр. «vāga» и, возможно, немец. лит. «wehr» и англ. «weir» — забор, запруда, плотина).

Приведенные выше финно-угорские параллели — хант. «vār» — забор и манс. «vieri» — котец — позволяют относить появление этих типов заборных заграждений ко времени существования финно-угорской общности, — т. е. к концу IV — III тысячелетия до н. э.³³, когда иранские языки еще не выделились из индоевропейского праязыка. Возможно, что отмеченное выше сходство названий рыболовных снарядов объясняется древними контактами между финно-угорским и индоевропейским праязыками, однако сказать что-либо более определенное пока не представляется возможным.

Котец — один из простейших по конструкции рыболовных снарядов. Как и верша, котец принадлежит к рыболовным орудиям корзиночного типа, но в отличие от верши является открытой ловушкой. Материалом для изготовления котцов служил жальник. В XIX в. ханты и манси употребляли их в сочетании с заборами на маленьких речках или в качестве самостоятельных снарядов на озерах.

Представление о наиболее древних формах финно-угорских котцов можно составить на основании снаряда, обнаруженного И. С. Поляковым у подножия холма Плеханов Бор (в дельте р. Оки), в верхних слоях которого находилась неолитическая стоянка. По описанию И. С. Полякова, снаряд имел форму корзины диаметром около метра в длину. Стенки орудия были смонтированы из сосновых или еловых лучин, длиной около метра, связанных у оснований и вершин саргой³⁴. Впоследствии В. В. Федоров, исходя из указания Полякова на сходство найденного им снаряда с «катазами» (рыболовными ловушками типа котцов, применяв-

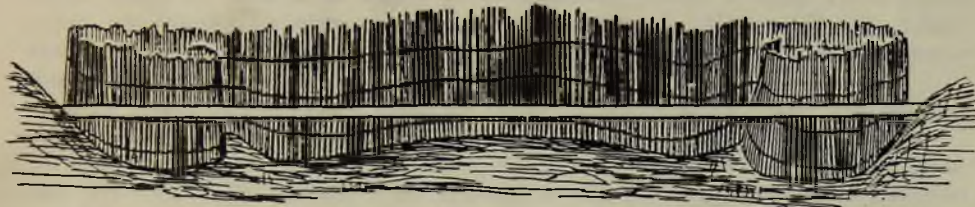
³¹ B. Munkácsi. Verschiedenheit in den arischen Lehnwörtern der finnisch-magyarischen Sprachen. Keleti Szemle, IV, 3, S. 383.

³² U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 372.

³³ О древности этого типа заграждений, возможно, говорит сходство обско-угорских названий частичных рыболовных заборов с восходящими к тому же корню словами в значении «кровь», «род» в других финно-угорских языках (ср. венг. «vér ~ vēr» фин. «veg», саам. «vāga ~ vārā», морд. «veg», мар. «wag» — кровь, родственник). В свою очередь, угорские названия сплошных заграждений (хант. «pal» венг. «fal») можно связывать с хант. «paul» — селение, стойбище, венг. «falu» — деревня. Относительно венг. «falu» — деревня П. Хайду (Указ. соч., стр. 281) совершенно справедливо считает, что первоначально это финно-угорское (или угорское) слово употреблялось в качестве названия поселений, которые «не имели постоянного характера» (т. е. были сезонными. — В. В.). Может быть, это объясняется тем, что название, первоначально обозначавшее кровнородственную хозяйственную группировку, перешло затем и на основное орудие промысла, с помощью которого члены родового коллектива добывали себе пропитание. М. А. Castren. Wörterverzeichnisse aus den Samojedischen Sprachen, St.-Petersburg, 1855. S. 256; полевые материалы Таймырского отряда Северной экспедиции Ин-та этногр. АН СССР (1960 г.); полевые записи Б. О. Долгих (1948 г.). Аналогичное явление встречается также в северо-самодийских языках (энец. лесн. «fuga» — «фугга»; энецк. тундр. «foga» — «фогга» — сеть; ср. энец. тундр. «фогга» — род).

³⁴ И. С. Поляков. Исследование по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине рек Оки, верховьях Волги. — Зап. РГО по отделению этнографии, вып. IX, 1882.

шимися в междуречье Оки и Волги местным населением), и, сравнивая это неолитическое орудие с различными типами котцов финно-угорских и славянских народов, установил, что по форме данная ловушка напоминала червонного туза³⁵. Котцы подобной формы наблюдались У.-Т. Сирелиусом на Васюгане³⁶. О наличии котцов уже в неолитическое время свидетельствуют и другие находки. В Финляндии в районе Кирколетта были обнаружены остатки заграждения спиралевидной формы, загнутые внутрь концы которого образовывали две ловушки, представляющие собою кот-

Запор, загнутые внутрь концы которого образуют самостоятельные ловушки-котцы (по У. Т. Сирелиусу)

цы³⁷. В 1936—1938 гг. при раскопках неолитических памятников на Кольском полуострове были найдены детали запора, сходного по устройству с заграждением из Кирколетта, но не спиралевидной, а полуовальной формы³⁸. Аналогичные по конструкции заграждения, по свидетельству Сирелиуса, существовали у хантов и манси еще в XIX в.³⁹

Есть все основания полагать, что котцы возникли непосредственно на основе различных типов запорных заграждений⁴⁰. Это подтверждает и произведенный выше лингвистический анализ названий котцов и запоров по диалектам обско-угорских языков.

Верша⁴¹ по своей конструкции относительно более сложная ловушка, чем котец. В XIX в. обские угры широко использовали на промысле два типа вершевых закрытых плетеных ловушек: рукава и морды. Рукав хант. «*pos*» (Назым), «*rōs*» (Конда, Иртыш, Салым, Нижняя Обь), «*rās*» (Сургутская Обь, Аган, Юган, Пим, Вах, Васюган); манс. «*pos*», «*rōš*», «*ruoš*» (Конда), «*rōs*» (Сыгва)⁴², одна из разновидностей верши, состоит из двух частей: горла в виде усеченного конуса и собственно рукава в форме узкого вытянутого цилиндра. Изготавливались рукава из жальника или тальниковых прутьев. Жальник скреплялся обмоткой из сарги.

³⁵ В. В. Федоров. Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки. — «Советская археология», сб. 2, 1936, стр. 62.

³⁶ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 5, рис. 6.

³⁷ Н. Н. Гурин. Оленеостровский могильник. — МИА, № 47, 1956, стр. 185.

³⁸ Там же

³⁹ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 18, рис. 316.

⁴⁰ Интересные наблюдения о конструктивном сходстве некоторых типов запоров и котцов содержатся в этнографических заметках перомонаха Макария и Е. Павлова. По наблюдениям Макария и Е. Павлова, котец с лимазами (боковыми открывками), употребляемый западноуральскими манси на небольших речках и озерах как самостоятельный снаряд, чрезвычайно напоминает в миниатюре из (См. Макарий перомонах. Заметки о верховурских вогулах, живущих по р. Лозве. — Вестник РГО, ч. 12, СПб., 1853, стр. 22; Е. Павлов. Этнографические сведения о вогулах Пермской губернии. Рукопись Архив ВГО, раз. 29, оп. 1, № 36, стр. 9).

⁴¹ Верша — закрытая плетеная ловушка корзиночного типа, не имеющая второго горла.

⁴² U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 103.

Сарга же служила для прикрепления горла к цилиндру. Своеобразная конструкция рукава объяснялась объектом промысла и временем употребления орудия. Длинный узкий цилиндр был рассчитан на добычу крупной рыбы, которая, зайдя в ловушку, не могла в ней повернуться. Промышляли рукавами весной на небольших протоках и речках с быстрым течением, так что нередко поток воды буквально заносил рыбу в ловушку.

Морда хант. «*rip*» (Назым, Куноват, Нижняя Обь, Салым, Юган, Пим), «*rōp*» (Казым); манс. «*kāmka*» (Конда), «*kamka*» — (Сосьва)⁴³ является наиболее широко распространенной плетеной ловушкой, поскольку она применяется во все времена года, почти во всех водоемах и для лова самых разнообразных пород рыбы. Конструктивно морда несколько отличается от рукава. Она состоит из основания, остова и внутреннего вставного горла (детыша). Для изготовления основания используют толстые еловые или кедровые палки, горло и остов делают из жальника или тальниковых прутьев, крепящихся между собой черемуховым обручем, перевитым саргой. Сарга же служила для прикрепления горла и остова к основанию. Размеры и формы морд, как и некоторые детали их конструкции, заметно варьировали в различных частях Обь-Иртышского бассейна в зависимости от характера водоемов, сезона промысла и биологических особенностей рыб. Небольшие морды (камки) применялись на обских протоках для ловли язей и щук, особыми соровыми мордами промыслили осенью в протоках соров; гимги, делавшиеся в отличие от морд из листовых или сосновых планок и значительно превосходившие их по размерам, использовались для зимнего подледного лова осетров, муксунов и нельм.

Появление рукавов У.-Т. Сирелиус относит ко времени существования финно-угорской общности, но в то же время считает обско-угорские типы этих снарядов заимствованными из области жительства тобольских и томских татар и даже из Индии⁴⁴. Современные обско-угорские жальниковые морды, по предположению У.-Т. Сирелиуса, — самодийское заимствование⁴⁵.

Эти положения У.-Т. Сирелиуса представляются нам, однако, совершенно неприемлемыми. Обнаружение во время золотоискательских работ близ Ясьвы (Западный Урал) на глубине двух метров каменного запора с остатками рукава (находка не датировалась)⁴⁶, говорит тем не менее о значительной древности употребления этих орудий лова на данной территории. Б. Коллиндер на основании этимологии — манс. «*rooš*», хант. — «*ras*», «*pos*» — длинная, вытянутая рыболовная ловушка («рукав») с мар. «*roš*» — рыболовная ловушка, сделанная из прутьев⁴⁷, считает возможным говорить о финно-угорском происхождении этих слов.

Эта единственная и к тому же недостаточно убедительная этимология не позволяет датировать появление этих орудий промысла временем существования финно-угорской общности. Как нам кажется, более вероятно относить возникновение рукавов к более поздней эпохе распада финно-угорской общности (приблизительно вторая половина III тысячелетия до н. э.), хотя в пользу такого предположения мы не можем привести достаточно убедительных доказательств, кроме отсутствия этимологически близких названий для этого рыболовного орудия в финских и угорских языках.

⁴³ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 102.

⁴⁴ Там же, стр. 463.

⁴⁵ Там же, стр. 464.

⁴⁶ Полевые материалы В. Н. Чернецова.

⁴⁷ B. Collinder Op. cit., p. 109.

Наиболее раннее свидетельство о существовании в Приуралье закрытых плетеных ловушек — морд — содержит наскальное изображение с р. Режа (Восточный Урал). Сходство этого изображения с керамической орнаментировкой сосуда из землянки на Аятском озере (Восточный Урал) позволяет В. Н. Чернецову датировать его первой половиной II тысячелетия до н. э. Одновременно В. Н. Чернецов сравнивает наскальное изображение из Режа с зарисовкой рыболовного заграждения «varsa» (своеобразного запора из морд, установленных вверх и вниз по течению реки) из архива известного венгерского этнографа Яноша Янко, побывавшего в прошлом веке у обских угров, устанавливая их несомненное тождество⁴⁸.

Для решения вопроса о времени возникновения морд у предков обских угров большое значение имеют лингвистические материалы.

Все названия закрытых плетеных ловушек-морд по уральским языкам можно сгруппировать в следующие три группы, которые мы условно называем финно-пермской (фин. «merta», кар. «merda», эст. «mõrd», лив. «mõrda», «mõrda», коми-зыр. «morda», мар. «murda» и т. д.), угро-самодийской (хант. «роп», «рип», ненец. «роңа», «пия пунга») и мансийско-коми-зырянской (манс. «камка», «kāmka», коми «гимга», «gimga») ⁴⁹. Хант. «роп» — морда (плетеная ловушка) В. И. Мошинская сближает с венг. «fönni» — плести⁵⁰. В значении «плести», «прять», «мотать», «ссучивать» (нить) этот глагол встречается в большинстве финно-угорских языков⁵¹. Б. Коллиндер считает эти слова уральскими и приводит соответствующие самодийские аналогии (нганас. «föni» — плести, камас. «рйпо» — плести, сучить)⁵². В Мансийском языке то же слово «роп» служит составной частью названия плавной мешкообразной сетной ловушки, калдана («hultne роп» — колдан, «роп» — сеть)⁵³. К этому же корню восходят и названия сетей в самодийских языках — ненец. «роңа» — сеть, «пунга» — мережа, энец. тундр. «foga» («фогга»), энец. лесн. «fuga» («погга»), селькуп. «роң», «роңа», «роңо», камас. «phaңа» — сеть⁵⁴.

Мансийское «камка», «kāmka» (Конда) — небольшая плетеная из тальниковых прутьев морда — находит аналогию лишь в коми-зырянском языке «гимга» («gimga») — большая корзиночная ловушка, изготовленная из сосновых планок.

Этимология этого мансийского слова неясна. По мнению некоторых исследователей, мансийское слово «kamka» перешло в язык коми (в форме «gimga») либо непосредственно. (У.-Т. Сирелиус⁵⁵), либо через

русский областной говор (Б. Кальман)⁵⁶. В отличие от Б. Кальмана, А. К. Матвеев предполагает заимствование русского «гимга» из языка коми⁵⁷.

У.-Т. Сирелиус, исходя из конструктивного сходства плетеных ловушек, предположил, что морды развились на основе рукавов и котцов. По своему устройству морда действительно напоминает котец с той лишь разницей, что она, как замечает Б. Шостакович, имеет «вид двух воронок, вставленных друг в друга»⁵⁸. Отсутствие этимологически близких финно-угорских наименований закрытых плетеных ловушек-морд заставляет думать, что возникновение этих рыболовных снарядов относится ко времени распада финно-угорской общности и может быть предположительно датировано не ранее, чем серединой III тысячелетия до н. э. (выделение финно-пермских языков из финно-угорского языка основы), а, возможно, даже началом II тысячелетия до н. э. У предков обских угров возникновение этих снарядов относится, как можно судить по лингвистическим данным, к концу III—II тысячелетий до н. э., т. е. времени существования угро-самодийской этно-культурной общности.

Весьма вероятно, что древнее угро-самодийское слово, восходящее к общеуральскому корню «fop» — «роп» — плести, первоначально имело значение (плетеная) рыболовная ловушка. Позднее, с усовершенствованием и модификацией рыболовных снарядов, изготовлением сетей и сетных ловушек из конопли и крапивы, оно стало употребляться и для обозначения этих орудий лова.

Манс. «камка» является, вероятно, локальным вариантом вершневых плетеных ловушек, распространенном в области Приуралья и Зауралья. Сказать что-либо определенное о времени возникновения этого типа морд пока не представляется возможным.

Из сетных рыболовных орудий в XIX в. наиболее широко применялись обскими уграми мешкообразные или кошелеобразные ловушки, ставные и плавные ловушки — вожан, калдан (или калыдан) и сырп. Основной частью этих снарядов являлся мешок прямоугольной или клинообразной формы, сшитый из нескольких кусков сетного полотна — «саипов».

Вожанные мешки нередко изготовлялись весьма крупных размеров (9 × 5,5 м — Салым, 12,5 × 7,5 м — Конда, 14,5 × 10,7 м — Иртыш)⁵⁹. Нижний край мешка крепился к длинной (около 5 м) жерди-коромыслу, у концов которой были вделаны деревянные полукольца. К боковым граням мешка на специальных веревках-поводках привязывались деревянные полукольца несколько удлиненной формы. В воротах заграждения в дно реки вбивались толстые жерди-белоноги, на которые надевались полукольца коромысла и мешка. Коромысло удерживалось на дне реки поперечным шестом-грузилом, наглухо скреплявшимся или вставлявшимся заостренным концом в отверстие-детыш посередине коромысла. При помощи специальной петли коромысло крепилось к верхнему краю мешка. Конструкция вожана показана на рисунке 3.

При установке снаряда вожанный мешок, скользя по белоногам, погружался на дно реки и расправлялся течением. Над воротами запора, в котором устанавливался вожан, устраивался досчатый помост-лава, где

⁴⁸ Б. Кальман. Русские заимствования из обь-угорских языков. — Acta Linguistica Scientiarum Hungaricae, t. I, 2—4. Budapest, 1952, p. 254.

⁴⁹ А. К. Матвеев. Указ. соч., стр. 60.

⁵⁰ Б. Шостакович. Промыслы Нарымского края. — Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. 1, 1888, стр. 31.

⁵¹ Размеры вожана приведены по У.-Т. Сирелиусу (Указ. соч., стр. 15), описание устройства дается по Н. А. Варпаховскому (Указ. соч., стр. 27).

⁴⁸ V. N. Csernyesov. Nyugat-szeberiai sziklarajzok. I. Отд. оттиск из Kő-lönlényomat az Ethnographia, Évi 1—3, Számából, Budapest, p. 9—11, tabl. III.

⁴⁹ Финно-пермская и мансийско-коми-зырянская группы названий плетеных ловушек-морд приводятся по Сирелиусу (Указ. соч., стр. 102, 135, 409), угро-самодийская — по Кастрену (Указ. соч., стр. 263) и Дунин-Горкавичу (А. А. Дунин-Горкавич. Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов. Тобольск, 1910, стр. 39. Цит. по Kai Donner. Samojedische Wörterverzeichnis. Helsinki, 1932, s. 157).

⁵⁰ В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. Сб. «Древняя история Нижнего Приобья». — МИА, № 35, 1953, стр. 74.

⁵¹ Jos. B u d e n z. Magyar-Ugor Osszehasonlító Szótár. Budapest, 1873—1884, стр. 531.

⁵² B. Collinder. Op. cit., p. 51.

⁵³ В. Н. Чернецов и И. Н. Чернецова. Указ. соч., стр. 69, 91.

⁵⁴ M. A. Castren. Op. cit.; p. 256; A. A. Дунин-Горкавич. Указ. соч., стр. 29 (Kai Donner. Указ. соч., стр. 157); E. N. Setälä. Zur Frage nach der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und Samojedischen Sprachen. — Journal de la Société Finno-ougrienne, t. XX, Helsinki, 1913—1918, p. 73.; Полевые материалы Таймырского отряда Северной экспедиции ИЭ АН СССР (1960 г.).

⁵⁵ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 414.

размещался рыбак, державший в руках длинные бечевки-синки, привязанные к внутренней стороне мешка, в количестве 13—15 штук. При колебании синек, задеваемых вошедшей в ловушку рыбой, ловец сбрасывал петлю, крепящую коромысло к верхнему краю мешка, так что последний опускался, закрывая выход из ловушки. Затем с помощью скрепленного с коромыслом шеста-грузила поднимал скользивший по белонагам мешок и извлекал рыбу.

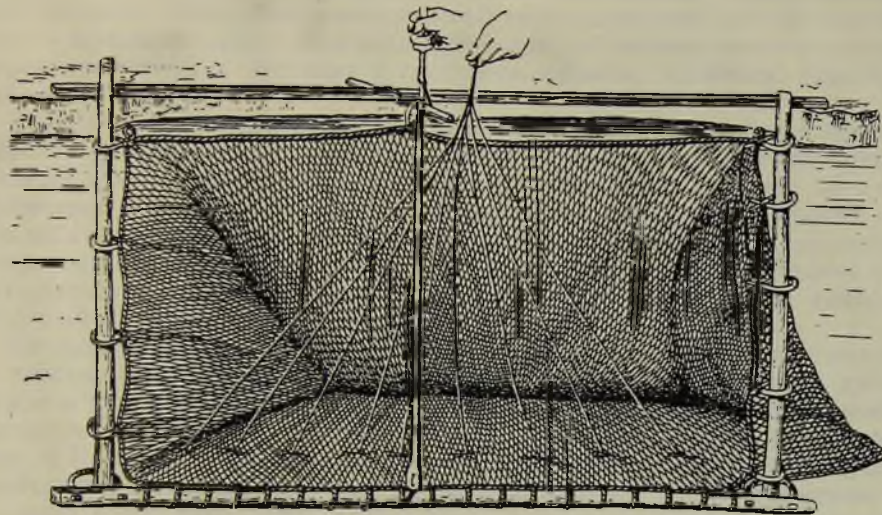

Схема устройства вожана (по У.-Т. Сирелиусу)

Калдан — примитивный трал, или драга, устраивался по тому же принципу, что и вожан, по словам Палласа, «во всем на калдан похожий»⁶⁰. Однако в отличие от вожана — ставной заборной ловушки, калдан представлял собою плавную рыболовную сеть, употреблявшуюся для лова рыбы с лодки. Калданный мешок изготовлялся из цельного куска мережи и был значительно меньше вожанного по размерам (длина 1,8, ширина 4,1, высота 2,2 м)⁶¹. Через ячеи нижнего края мешка продевался деревянный шест-коромысло длиной около 4 м, широкий посредине и суживающийся к концам. Небольшие развилки на концах шеста служили для растягивания нижней грани сетного мешка на коромысле и удержания устья калдана в открытом положении. К развилкам привязывалась также двойная бечева из суровых ниток, пропускавшаяся через ячеи боковых граней мешка у устья. Посредине верхнего края мешка оба конца бечевы завязывались узлом так, что образовывалась петля, к которой короткой веревкой привязывалось железное (деревянное или костяное) калданное кольцо диаметром 4 см. К середине коромысла крепился калданный камень — грузило из обработанного камня (или лосиного рога) весом 1—1,5 кг. Передний конец калданного камня по форме напоминал лыжу: внешняя, скользившая по дну сторона его была выпуклой, а внутренняя — вогнутой. Камень крепился к коромыслу тальниковой веревкой. К загнутому концу камня привязывалась длинная (около 25,5 м) калданная

⁶⁰ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. III, кн. 1, стр. 112.

⁶¹ Описание и размеры калдана даются на основании экспоната, хранящегося в фондах МАЭ (колл. № 592—46).

веревка, пропускавшаяся через калданное кольцо. К верхней грани сетного мешка привязывались две длинные тонкие нити — синки.

Рыбак, сидевший в маленькой долбленной лодке — калыданке, греб правой рукой, а в левой, кроме конца калданной веревки, зажимал синки, выполнявшие, как и при вожанном промысле, роль поплавка и одновременно препятствующие опусканию верхнего края мешка. Узнав по содроганию синек о зашедшей в калдан рыбе, ловец ослаблял их, закрывая тем самым выход из ловушки, и за калданную веревку вытаскивал снаряд из воды. В XIX в. ханты и манси ловили рыбу калданами преимущественно по Оби и ее крупным притокам.

Своеобразной сетной ловушкой являлся сырп, по конструкции и способам лова несколько отличавшийся от калдана. Основной частью сырпа являлся прямоугольный сапный мешок длиной 3—3,5 м, глубиной 1,5 м и высотой 30—45 см⁶². Сквозь сетное полотно у устья мешка пропускалась прочная бечева, крепившаяся у нижнего края к двум тонким шестам длиной около 3,5 м каждый. К нижней тетиве мешка иногда прикреплялись небольшие кибасы⁶³, но обыкновенно сырп в противоположность калдану не был оснащен грузилами. К верхней тетиве привязывались две синки, концы которых рыбак держал в руках.

Сырпом промыслили весной, используя его в качестве бредня в небольших заливах и курях. Осенний лов сырпом осуществлялся с лодок. Как и при калданном промысле, рыбаки плыли вниз по течению, однако лов производили двумя лодками, между которыми за шесты растягивали сырп. В каждой лодке находилось двое — ловец и гребец. По содроганию синек ловец узнавал о попавшей в ловушку рыбе. Широко применялся и другой способ лова сырпом. На реку выезжали четыре лодки. Заметив стаю рыб, две средние лодки останавливались ниже ее и рыбаки растягивали сырп, а крайние заходили выше стаи и ударами весел или шестов о воду загоняли рыбу в ловушку.

Вопрос о происхождении сетных мешкообразных ловушек у обских угров весьма сложен. Выше уже отмечалось, что, хотя хантыйские и мансийские названия вожанов восходят к общеуральским корням, первоначально (древнеуральское) значение этих слов, очевидно, было иное. Обско-угорские названия этого орудия лова, видимо, образовались путем сложных контаминаций от значений «шест», «ограда», «большое рыболовное ограждение» к современному «вожан» — «сетная рыболовная ловушка». То же самое, вероятно, можно сказать и относительно финно-угорских аналогий хантыйским и мансийским названиям вожана (саам. «оассе ~ оазе» означает, по Б. Коллиндеру, не сетную ловушку, а ограждение, сооружаемое при лове драговой сетью; фин. «otava» — вид лососевой сети, очевидно, также результат контаминаций)⁶⁴.

Появление вожана У.-Т. Сирелиус относит к финно-угорскому времени⁶⁵, с чем, однако, нельзя согласиться. Вопрос о времени появления рыболовных ловушек типа вожана, калдана и сырпа связан с более общим вопросом о древности возникновения сетей у финно-угорских народов.

⁶² Устройство, размеры и описание лова сырпом даются по И. Н. Глушкову и В. Волегову (См. И. Н. Глушков. Чердынские вогулы. — Этнографическое обозрение, т. X, № 2, 1900, стр. 52; В. Волегов. Зверинный и рыболовный промысел на Ростесском Урале. — Журнал охоты, 1860, январь, стр. 18).

⁶³ Об этом сообщает П. Н. Крылов (см. П. Н. Крылов. Вишерский край. Урал. — Техн.-эконом. сборник, вып. 8, ч. 1, Свердловск, 1926, стр. 88—89).

⁶⁴ B. Collinder. Op. cit., 27.

⁶⁵ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 463.

П. Хайду, исходя из финно-угорских аналогий по венгерскому «háló» — сеть, допускает существование этих орудий лова еще в эпоху финно-угорской общности⁶⁶. Б. Коллиндер считает венг. «háló», как и хант. «kalew», «hotər», манс. «kulr» — сеть словам уральского происхождения⁶⁷. Однако приводимые Б. Коллиндером уральские аналогии манс. «kulr» — сеть и «hultne rop» — калданная сеть, показывают лишь, что все эти названия восходят к древнему общеуральскому корню в значении «рыба»⁶⁸. Все значения, связанные с этими аналогиями, представляют либо названия дифтерной или драговой сетных ловушек или их частей, либо — промысла этим ловушкам. В форме собственно «сеть» эти слова встречаются лишь в угорских и тундровом энецком («kuobese», «kuobia») языках⁶⁹.

Этимологическая близость названий сетей и сетных ловушек в финно-угорских и самодийских языках еще не дает возможности что-либо предполагать о времени появления этих орудий и тем более относить их возникновение к периоду существования уральской или финно-угорской этнической общности. В данном случае, как нам кажется, эти слова могли развиться самостоятельно в каждом из уральских языков на основе общих древнеуральских или финно-угорских корней «kol» («hul», «kul») — рыба и «kolt» («hult») — ловить рыбу.

Несомненно, однако, что современным сетным мешкообразным ставным и плавным ловушкам (вожану, калдану и сырпу) предшествовали дрифтерные и драговые орудия, изготовлявшиеся из прутьев по типу простейших верш или рукавов и использовавшиеся, вероятно, в сочетании с запорами. В Ивдельском районе, где и поныне живут манси, рукав (хвостуша) известен под названием «сурпа», которое, по мнению В. Н. Чернецова⁷⁰, с полным основанием можно сопоставить с восточным манс. «сугр» (сырп). Прутяные драговые ловушки, устраиваемые наподобие сырпа, до сих пор применяются некоторыми племенами северо-американских индейцев⁷¹. Есть свидетельство, что еще в середине XIX в. березовские ханты делали из прутьев даже невода⁷².

Изготовление сетей и сетных ловушек относится, вероятно, ко времени угро-самодийской общности. Пряслицы, наличие которых можно связывать с изготовлением сетей, появляются в значительном количестве в западно-сибирском археологическом материале только со времени бронзы (культовый памятник Сузгун II, датируемый В. И. Мошинской серединой II, рубежом II и I тысячелетий до н. э.⁷³). Материалом для этих снарядов первоначально служили тальниковое лыко, кедровая сарга и крапива. Сведения об использовании хантами и манси этих материалов для изготовления сетей еще в XVIII—XIX вв. сообщают Ф. Белявский и В. Пигнатти⁷⁴. Мансийское название крапивы «ronal» является, по мнению В. И. Мошинской, производным от «роп» (плетеная ловушка)⁷⁵. В свою

⁶⁶ П. Хайду. Указ. соч., стр. 272.

⁶⁷ B. Collinder. Op. cit., стр. 21.

⁶⁸ Там же, стр. 21, 27.

⁶⁹ Там же, стр. 21.

⁷⁰ Полевые материалы В. Н. Чернецова.

⁷¹ Этими сведениями мы обязаны любезности В. Н. Чернецова.

⁷² Заметки об инородцах Березовского округа. Журнал Министерства Внутренних дел, ч. 38, отд. 6, сентябрь 1859, стр. 14.

⁷³ В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. — МИА, № 58, М., 1957, стр. 119.

⁷⁴ Ф. Белявский. Указ. соч., стр. 120; Изделия остоков Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского музея, вып. XIX, 1911, стр. 121.

⁷⁵ В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя, стр. 88.

очередь «роп», «рип», «риоп» (морда), как уже отмечалось, восходит к финно-угорскому (или уральскому) глаголу «плести», «сучить». Вероятно, с началом изготовления сетного полотна из крапивы слово «роп», наряду с первоначальным значением «плетеная ловушка», приобрело и новое — «сеть, сетная ловушка», ср. хант. «vuoče — rop» (Салым), «vūsām — ruop», «vūsām — ruop» (Сред. Обь) — вожан, хант. «koltajogel — rop», «hutte riip», манс. «hultne rop» — калдан⁷⁶. В этот же период, возможно, возникают и специфические угорские названия сетей.

Возникновение сырпа У.-Т. Сирелиус относит ко времени финно-угорской общности⁷⁷. Коллиндер на основании этимологической близости манс. «сугр» и фин. «suurja» (мешкообразная сеть, невод) считает это слово финно-угорским по происхождению⁷⁸. С этими положениями, однако, трудно согласиться. Мансийское «сугр» не имеет аналогий в других угорских языках. Это слово отсутствует также и в диалектах восточных и южных манси, которым применение данного орудия лова было неизвестно. Поскольку территория распространения сырпа ограничена в основном областью Приуралья, заслуживает внимания предположение А. И. Попова, считающего, что этимологически близкое к манс. «сугр» русское слово «сурпа» (волог. диал. — вид сетной ловушки) является местным заимствованием из языка какого-то финно-угорского народа, жившего в бассейне Северной Двины⁷⁹. Некоторые исследователи связывают археологические памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Верхней Печоры с манси⁸⁰. В пользу заселения в прошлом этой местности манси говорят и данные топонимики⁸¹. По данным Б. Д. Долгих, манси жили в верховьях Печоры еще в середине XVII в.⁸² Таким образом, возможно, как нам кажется, предположить, что кошелеобразная сетная ловушка-сырп воспринята манси от исчезнувшего ныне финского (или финно-угорского) народа, с которым они соседнили в I тысячелетии н. э. где-то в верховьях Печоры.

В эпоху Усть-Полуйской культуры в низовьях Оби, как предполагают В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская на основании мощной прослойки из рыбьей чешуи и костей, обнаруженной при раскопках одной из землянок поселения Салехард I, существовало уже высокоразвитое рыболовство. Предки обских угров, наряду с орудиями индивидуального лова, широко использовали разнообразие по устройству заграждения в сочетании с плетеными ставными ловушками типа котцов и верш. Находки больших каменных грузил, подобных калданам, говорят, по мнению Чернецова и Мошинской, об употреблении сетных рыболовных ловушек⁸³.

⁷⁶ Терминология дается по У.-Т. Сирелиусу (Über die Sperrfischerei...s. 103) — «вожан» и Б. Коллиндеру (Указ. соч., стр. 27) — «калдан».

⁷⁷ U.-T. Sirelius. Op. cit., S. 463.

⁷⁸ B. Collinder. Op. cit., 116.

⁷⁹ А. И. Попов. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, t. V, Budapest, 1955, p. 7—8.

⁸⁰ Л. П. Лапук. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар 1958, стр. 50—51;

⁸¹ A. Kannisto. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. Finn.-Ugr. Forschungen, T. XVIII, № 1—3. Helsingfors, 1927.

⁸² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в.

⁸³ В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. В поисках древней родины угорских народов. По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, стр. 170—171. Можно полагать, что первоначально вожан также оснащался грузилом, подобным калданному камню. Вожаны с такими грузилами употреблялись хантами низовой Оби еще в конце XVIII в. (см. В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 72).

Появление на территории Обь-Иртышского бассейна таких сетных орудий, как фитили, кривды, стрежевые и ставные невода, плавные и многостенные ставные сети и некоторые другие, относится по времени к значительно более поздней эпохе и связано с русским или татарским влиянием ⁸⁴.

* * *

При изучении процессов развития предметов и орудий материальной культуры какого-либо народа необходимо прежде всего четко разграничить орудия или предметы самобытные у этого народа и появившиеся у него под внешним влиянием. Выше мы попытались рассмотреть генезис самобытных рыболовных орудий хантов и манси, которые, за некоторым исключением, составляют комплекс орудий заповного рыболовства. Происхождение некоторых из этих снарядов относится к периоду существования финно-угорской этнической общности, отдаленному от нас несколькими тысячелетиями. Другие (морды, сетные ловушки) возникли, вероятно, уже после ее распада. Более точная датировка времени возникновения этих рыболовных снарядов затрудняется недостатком археологических материалов. С точки зрения изложенной выше концепции происхождения орудий обско-угорского заповного рыболовства становятся понятными отмеченные Боннерджи индийские (дравидийские) параллели названий финно-угорских орудий лова ⁸⁵, свидетельствующие о древних контактах между финно-угорскими (или уральскими) и дравидийскими языками, которые могли существовать лишь в области Приаралья и Зааралья. Все это, как нам кажется, служит еще одним веским доводом в пользу приаральской гипотезы древнейшей прародины людей уральской общности, так как объяснить эти совпадения как случайные не представляется возможным ⁸⁶.

⁸⁴ Названия невода в кондинском и юганском диалектах хантыйского и кондинском и тавдинском диалектах мансийского языков являются татарскими заимствованными словами (см. Н. Раасонен. Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. Finn.-Ugr. Forschungen, T. 2, № 1—2, Helsingfors, 1902, S. 116; A. Kannisto. Die tatarische Lehnwörter im Wogulischen. Finn.-Ugr. Forschungen, T. 17, № 1—3, Helsingfors, 1925, S. 88).

⁸⁵ Bonnerji. Ugrian Fishing Implements and some Indian Parallels. — «Man in India», t. XVIII, N 4, Bihar, 1938.

⁸⁶ Мысль о связях между финно-угорскими и дравидийскими языками впервые была высказана Б. Колдуэллом (B. Caldwell. A comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages. London, 1913). Кроме отмеченного выше сходства в терминологии рыболовных орудий, укажем также приведенные Т. Барроу 72 совпадения в названии частей тела в уральских и дравидийских языках (T. Burrow. Dravidians Studies IV. The Body in Dravidian and Uralian. Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, 1944, p. 328—356).

И. С. ВДОВИН

ВАЕГСКИЕ ЧУКЧИ

До настоящего времени остаются недостаточно полно изученными отдельные территориальные группы чукчей, локальные особенности их материальной и духовной культуры. Лишь в общей форме известны языковые особенности этих групп. Еще меньше изучены антропологические отличия одной группы от другой.

Чукчи издавна занимают огромную территорию, хотя их численность, но крайней мере на протяжении последних трех веков, по-видимому, не превышала 12—13 тыс. чел. Расстояние от крайних точек их расселения на востоке и западе исчисляется более чем в 1600 км, а на юге и севере — в 1100—1200 км. На этих огромных пространствах, естественно, образовались территориально обособленные группы чукчей. Продолжительность такого обособления привела к развитию отличительных черт в материальной и духовной культуре, а также в языке. Заметное влияние на развитие локальных особенностей культуры чукчей оказывали длительные контакты их с другими народностями Крайнего северо-востока. Для некоторых групп чукчей истоки таких особенностей более или менее ясны. Так, например, материальная культура морских зверобоев (побережий Ледовитого и Тихого океанов), а вместе с ней и некоторые элементы духовной культуры заимствованы чукчами от азиатских эскимосов ¹. Эти связи с эскимосами уходят в глубокую древность.

Образование одной из таких групп чукчей происходило в сравнительно недавнее время. Многие важные обстоятельства этого явления зарегистрированы в русских документах XVIII—XIX вв. Это дает возможность проследить условия формирования отличительных особенностей группы, условно названной нами ваегской (по месту основного расселения). Составление некоторых элементов материальной и духовной культуры и языка ваегской группы с материальной и духовной культурой и языком других групп чукчей дает достаточно полный материал для установления отличительных особенностей этой группы чукчей от основной массы их соплеменников. Выявление этих особенностей представляется важным для более глубокого и всестороннего изучения культуры чукчей в целом.

* * *

К середине XVIII в. р. Анадырь служила южной границей расселения чукчей и северной границей расселения коряков. Верхнее и среднее течение Анадыря с притоками, до впадения в него р. Танюрэр было заселено юкагирами, которые жили в непосредственном соседстве на юге

¹ См. В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. I. Л., 1934 и ч. II — Л., 1939; И. С. Вдовин. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. — «Сибирский этнографический сборник», III, М.—Л., 1961.

С. Куликов.

Краткий обзор охоты в Сургутском крае.

География края.

Сургутский край занимает северо-восточную часть Тобольского округа и Уральской области. Он состоит из Сургутского и Александровского районов названного округа.

На северо-востоке Сургутский край граничит с Туруханским краем, на востоке—с Нарымским, на юго-востоке—с Омской губ., в прочих частях—с Демьянским, Самаровским, Березовским и Обдорским районами Тобольского округа.

Площадь края—около 300, 000 кв. километров.

Протекающая через край с востока на запад р. Обь делит его на две части, из которых северная почти вдвое больше южной.

В р. Обь впадают многочисленные, более или менее значительные, притоки. Справа—с севера—в нее впадают р. р. Вах, Тром-Юган с Аганом, Пим и Лямин; слева—с юга—р. р. Кул-Еган, Юган, Балык и Салым и ряд других, более мелких. Площади бассейнов каждого из названных притоков р. Оби измеряются тысячами и десятками тысяч квадратных километров. Кроме того, в состав края входит верховье р. Пура, впадающей в Тазовскую губу Карского моря. По берегам рек расположены возвышающиеся над окружающими местностями увалы. Вдоль р. Оби ширина этих увалов колеблется от 10 до 30 километров, по берегам притоков она уменьшается вверх по течению рек от 10 километров до нескольких метров.

За увалами следуют в северной части леса, тундры и лесотундры, а в южной—болота, то чистые, то покрытые мелкой корявой ессой.

Увалы покрыты лесом. Небольшие острова леса встречаются и среди болот. В северных лесах господствует сосна, в южных—кедр. К этим древесным породам примешаны: ель, лиственница, береза и осина.

Большая часть лесов попорчена пожарами, производившими ежегодно то большие, то меньшие опустошения. Особенно большой ущерб лесному, а одновременно и охотничьему хозяйству края нанесен грандиозными пожарами конца шестидесятых годов прошлого столетия, уничтожившими леса на площади в 50.000 кв. километров.

Население края.

Население края состоит из русских, остяков и самоедов.

Русских около 5.000 человек; живут они, за небольшими исключениями, в долине реки Оби.

Остяков также около 5.000 человек. Живут остяки частью в долине р. Оби, рядом с русскими, а главным образом—по берегам притоков, ведя там полукочевой образ жизни.

Самоедов—около 800 человек. Они кочуют по тундрам севера края. Все самоеды—оленьеводы, из больших стад не имеют, и оленеводство носит характер занятия, подобного к охоте. Однако, способы передвижения в необъятных тундрах играют большую роль и в значительной мере определяют успешность промыслов. Охота в настоящее время—главное занятие самоедов. В довоенное время, когда имела хороший сбыт рыба, они занимались и рыболовством.

Род занятий и обеспеченность упряжными животными остяков в различных районах весьма различны. Остяки, живущие в долине р. Оби и в низовьях притоков, держат лошадей; охота для них является второстепенным занятием, вслед за рыболовством. Ваховские, тром-юганские, аганские, пимские и юганские остяки—оленьеводы; положение их аналогично с положением самоедов. Среди обских, юганских, балыкских и салымских остяков немало имеющих никакого скота, кроме собак. На охоте эти остяки передвигаются пешком, впрягшись в парту вместе с собаками.

У русского населения охота стоит на втором месте, следуя за рыболовством. Но немало таких русских хозяйств, в которых охота является единственным занятием, и нет ни одного так или иначе не заинтересованного в охоте. Посев хлебов здесь не производится.

Статистика добычи.

Статистикой охотничьего промысла интересуются многие, особенно торговые организации. Почти каждая из них кустарничает в этом направлении. Но специальной и планомерной статистики не ведут ни Окружное Статистическое Бюро, ни лесные органы, хотя в ведении последних охота находится.

В Сургутском крае учет охотничьей добычи осложняется тем обстоятельством, что здесь, наряду с уральскими торговыми организациями, оперируют многочисленные сибирские. Самый богатый охотничий район края—Ваховской¹⁾—является яблоком раздора между Уралом и Сибирью.

Все же ряд данных, полученных перекрестным путем, позволяет, без боязни сделать большую ошибку, определить добычу охотничьих промыслов за два последние года в следующих цифрах:

Наименование зверей и птиц.	Количество добытых зверей и птиц		Наименование зверей и птиц.	Количество добытых зверей и птиц	
	В 1923—1924 г.	В 1924—1925 г.		В 1923—1924 г.	В 1924—1925 г.
Белок	600000	540000	Зайцев	300	300
Лисиц	900	1250	Бурундуков	1500	2400
Песцов	150	140	Барсуков	2	5
Соболей	35	40	Ласок	—	45
Горностаев	900	2460	Уток	100000	60000

¹⁾ Ваховской край в составе Александровского района отходит к Сибири.
Принес. редакции.

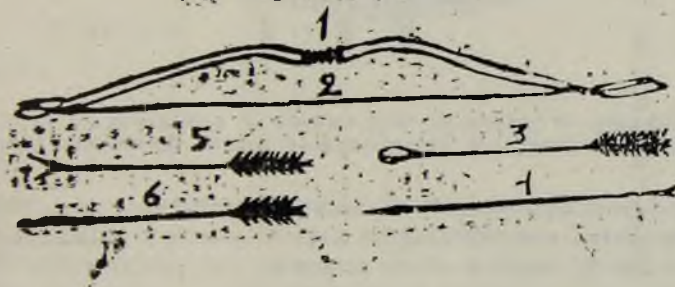
Пополнение ружьями происходит слабо не столько в количественном отношении, сколько в качественном. Новые ружья страдают всеми описанными недостатками еще в большей степени, чем старые, и пользуются плохой репутацией.

В довоенное время в край проникали теми или иными путями четыре и даже трех-линейные винтовки, оказывавшие промышленникам огромные услуги при охоте на лосей и оленей. Изъятие, а затем фактическая невозможность получить их тяжело отзывалось на положении тех промышленников, которым охота на лосей и оленей давала значительный заработок.

Вопрос о снабжении ружьями—большой и больной вопрос для Сургутского края.

Лук ручной (рис. 2) еще не отжил свой век.

Рис. 2. Ручной лук и стрелы.

1—Древко лука, состоящее из двух слоев: верхнего (наружного)—березового и внутреннего—кедрового; оклеено берестой; концы черемуховые; 2—тетива; 3—„томар“—стрела с тупым наконечником; 4, 5, и 6—стрелы с железными наконечниками.

«Томар»—стрела с тупым концом—служит кое-где туземным промышленникам для стрельбы белки, уток, гусей, тетеревов и глухарей, а также рыбу, а иногда и белку бьют стрелами с вило или копьеобразными железными наконечниками—«беловятами».

Оперение стрелы делается в три ряда из наклеенных половинок гусиных перьев.

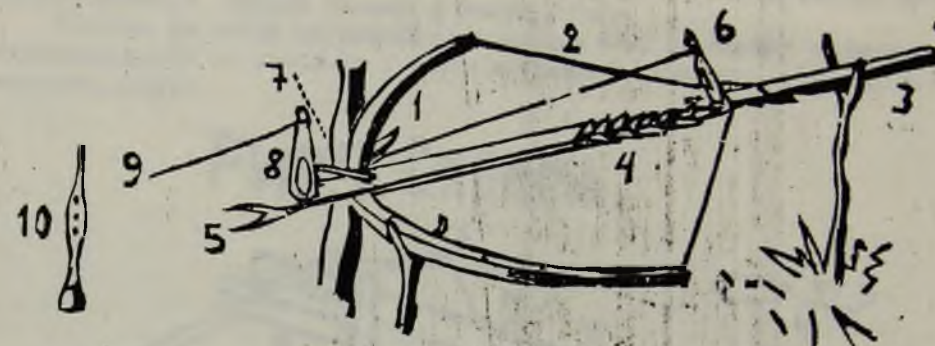
Различные самодельные орудия широко распространены в крае. Часть их является запрещенными уже в настоящее время, с частью приходится временно мириться, многие же из них, очевидно, продержатся в крае десятки лет.

Чаще всего употребляются луки-самострелы, слопцы, черканы, планки, силки и капканы.

В зависимости от того, для кого тот или иной тип самолова предназначается, размер и детали его видоизменяются, но принцип устройства остается один.

Луки-самострелы (рис. 3) употребляются на лисиц, песцов, выдр, медведей, лосей, диких оленей, рысей и зайцев.

Рис. 3.
Лук-самострел.

1—древко лука; 2—тетива; 3—планка; 4—стрела; 5—железный наконечник стрелы; 6—„суклемка“; 7—„щелочек“; 8—насторожка; 9—„синка“, волос или нитка, протягиваемые через звериную тропу; 10—мишень для определения высоты установки.

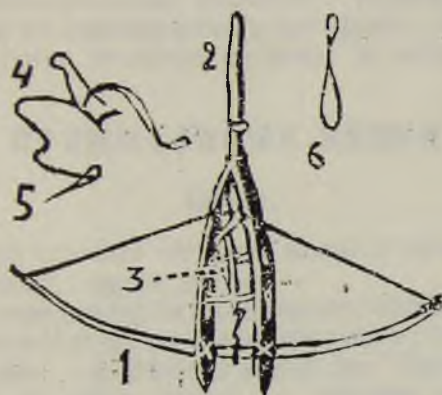
Лук-самострел состоит из собственно лука, стрелы (4), планки (3) и приспособлений для настораживания. На передней части планки имеется два уступа, одним из которых планка во время установки упирается в середину древка лука, а второй служит для удерживания насторожки. На заднем конце планки имеется произвольное число зазубринок. Тетива удерживается в натянутом положении палочкой—«суклемкой» (6), привязанной за один конец веревочкой, задетой за одну из зазубринок, а за другой конец—веревочкой, протянутой к «щелочку» (7). «Щелочек» упирается одним концом в верхнюю зарубку переднего конца планки, а вторым—входит в отверстие насторожки (8) и прилегает к верхнему краю его. Тем же отверстием насторожка надевается на заостренный конец планки, который, таким образом, упирается в нижний край отверстия насторожки. От верхней части насторожки через звериную тропу протягивается волос или нитка—«синка» (9). Стрела ложится на синку, насторожка отклоняется в сторону синки, щелочек выскакивает из отверстия, суклемка переворачивается, тетива освобождается и с огромной силой выбрасывает стрелу вперед.

В зависимости от величины зверя установка лука производится на различной высоте. Для определения высоты прицеливания употребляется «мишенька»—утолщенная книзу для устойчивости планка с зарубками или отверстиями, расположенными одно над другим на определенной для каждого зверя высоте. «Мишенька» ставится во время установки лука на звериную тропу, а после установки—убирается. Установка луков на крупных зверей производится на глаз.

Ружья-самострелы устанавливаются с такими-же насторожками и на такой же высоте, как луки.

Черкан (рис. 4) употребляется для ловли белок, горностаев, колонков и других мелких хищников, а также на рябчиков. Черкан состоит из лучка (1) до 1 метра длиной, развилы (2), к которой лучек прикрепляется, ударника (3) и приспособлений для настораживания.

Рис. 4. Черкан.

1—лучек; 2—развила с пазами для ударника; 3—ударник; 4—суклемка, удерживающая натянутую тетиву; 5—насторожка; 6—гузик, зацепляемый за конец насторожки.

Ударник, имеющий форму буквы 'Т' движется по прорезам развилины; конец его привязан к тетиве. Тетива удерживается в натянутом положении палочкой—суклемкой (4), которая одним концом привязана веревочкой к рукоятке развилины, а вторым концом к насторожке. Насторожка (5) одним концом упирается в ударник; второй ее конец удерживается маленьким гужиком (6). Гужик одним концом прикреплен к лучку, а вторым едва задевает за кончик насторожки. Черканы ставят в снег, у лукул деревьев, вообще там, где можно ожидать прохождения зверька или птицы. Устанавливается черкан таким образом, чтоб зверек прошел через то отверстие его, в котором находится насторожка, для чего за этим отверстием иногда кладут приманку. Когда зверек задевает насторожку, кончик ее вырывается из гужика, насторожка и суклемка переворачиваются, тетива освобождается, гонит ударник вперед, и последний прижимает собою зверька к лучку.

Слопцами ловят тетеревов, глухарей, куропаток, а также зайцев и лисец. Устройство их довольно разнообразно, но принцип во всех случаях остается один.

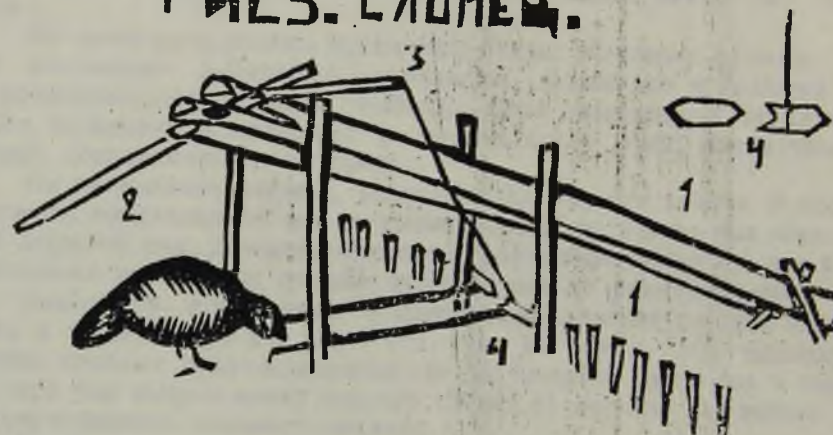
На рис. 5 изображен слопец, поставленный на глухарей или тетеревов. Излюбленная птицей дорожка перегораживается рядом кольев или поваленных деревьев таким образом, что между ними остается лишь узкий проход. Вдоль этого прохода кладется два или более нетолстых бревна (1). Передние концы бревен расщеплены, в щель заложена жердь—«игла» (2). Расщепленные концы поднимаются так, что длинный конец иглы лежит на земле, а короткий—на одном из концов «валяка» (3). Валец представляет из себя простую палочку, которая лежит на одном из кольев. От второго конца валека идет веревочка к насторожке (п). Насторожка

состоит из двух костыльков (палочек), служащих продолжением один другого и упирающихся в колья, стоящие по бокам дорожки. В конце одного из костыльков—выемка, а второй заострен и входит острием в выемку второго.

Веревочка, идущая от валека, привязывается к одному из этих костыльков насторожки. На костыльки наложены палочки. Птица, видя приманку или просто желая пройти по излюбленной дорожке, задевает за эти палочки или за самые костыльки, отчего они раздвигаются, валец переворачивается, бревна падают и дают птицу.

Слопцы на лисец устраиваются иногда в лесу на особых подмостках, возвышающихся на полметра и более над землей, для того, чтоб они не загноились снегом.

Рис. 5. Слопец.

1—бревна, давящее вниз; 2—игла (жердь); 3—валец; 4—насторожка, состоящая из двух деревянных костыльков.

Плешками (рис. 6) ловят горностаев, колонков и белок. Плешка состоит из двух досок (1) или ледяных пластинок, длиной в 3/4 метра и шириной в 1/3 метра, положенных одна на другую. В настороженном положении один конец верхней доски поднимается и удерживается в этом положении насторожкой, состоящей из 2 пластинок (2). Верхняя пластинка имеет уступ, которым она стоит на нижней пластинке. В этом положении пластинки удерживаются одна на другой «щелчком»—палочкой, имеющей глубокую зарубку. К концу щелчка прикрепляется приманка. Зверек, трогая последнюю, тревожит щелчок, отчего стоящие пластинки выскакивают из его зарубки, доска падает и прижимает зверька.

Канканы разных размеров употребляются для ловли лисец, песцов, медведей, росомах, рысей, колонков, горностаев, зайцев, а из птиц—гусей.

Рис. 6
Плешка

Кроме канканов обыкновенного устройства, изредка применяются «схваты» — канканы с вертикально поднимающимися пластинками.

Силки представляют из себя петли, изготовленные из волоса, тонкой бечевы, редко из проволоки. Ставятся силки обычно в проходах, оставляемых среди искусственно устраиваемых на дорожках загораждений различной формы. Довят силками зайцев, белок, глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток и уток. На боровую дичь силки ставят иногда с «попружками», которые представляют из себя согнутые молодые деревца, удерживаемые в этом положении насторожками различного устройства.

Птица, проходя по дорожке и задев насторожку, освобождает деревца, последние выпрямляются, захватывают птицу за ноги и поднимают ее на воздух.

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗВЕРИ.

Белка.

Белка является главным объектом охоты в крае, значение которого больше всех остальных, вместе взятых.

Главными местами добычи белки являются бассейны рек Ваха и Югана. За последние десятилетия средняя годовая добыча белки в Вахе приближается к 220.000 шт., а в Югане к 80.000 шт. Средняя годовая добыча белки в крае за то же время близка к 500.000 штук. Остальные 200.000 шт. приходится на другие части обширного края. Если средняя годовая добыча белки во всем крае более или менее постоянна, то в различных частях и в различные годы она сильно колеблется. Белка делает регулярные перекочевки. Замечено, что лет 5-7 она задерживается в южной части края, затем перекочевывает в северную часть, где задерживается года 3-4, затем снова возвращается на юг.

Причины переселения белки не изучены, местное население ставит их в связь с обилем или недостатком пищи.

Урожай кедровых и других шишек привлекает белку издалека, а неурожай заставляет ее выселиться из района. В течение 3-х последних лет в южной части края белки было очень мало, а в северной — значительно больше среднего количества. Особенно много белки было на, так называемом, «Пуровском материке» — смешанной области тундры и лесов, охватывающей верховья р. р. Пура, Ваха, Агана, Тром-Югана и Пиха. Годовая добыча белки среднего местного промышленника — остяка или самоеда — приближалась в эти годы к 1.000 шт. В некоторые дни убивалось до 30 и более белок в день на ружье. Кочующие здесь самоеды, занимавшиеся ранее, главным образом, оленеводством и рыболовством и бывшие белку в самом незначительном количестве, в настоящее время получают от охоты на белку главные и весьма значительные средства к существованию.

Охота на белку производится в начале и конце зимы, длящейся здесь около 6 месяцев. Осенняя охота начинается обыкновенно в последних числах октября, с выпадением снега, и длится до середины декабря, т. е. до того времени, когда снег делается настолько глубоким, что собака не в состоянии будет бегать по лесу. Охота возобновляется со среды февраля и длится до начала апреля, или до того времени, когда шкурка белки начинает портиться. Осенняя охота производится преимущественно с собакой. Русские промышленники без собак в лес и не выходят, остяки же, умудренные вековым опытом, прекрасно обходятся без собаки во многих таких случаях, где русские промышленники оказываются

беспомощными. Самоеды, не имеющие такого длительного опыта в охоте на белку, как остяки, значительно отстают от последних.

Весенняя охота на белку производится преимущественно без собак — по следу.

Обычно охота производится на расстоянии десятков, а то и сотен верст от населенных пунктов.

Русские промышленники устраивают в центре облюбованного района избушку, в которую возвращаются через одну-две-три ночи. Остальные ночи проводят в лесу у костра. Безоленные остяки, не имеющие возможности возить с собой «чум» (палатка из оленьих шкур), обходятся нередко без всяких избушек, ночуя в снегу, реже у костра, который разводят только для варки пищи и кипятка. Оленные самоеды находят в несравненно лучших условиях, имея возможность перевозить с собой «чум» и меняя неудачно избранное место без больших трудов.

Не менее пяти шестых количества белки убивается ружьем. Остальное количество добывается черканами, плашками и силками. Широко практиковавшийся ранее, особенно близ населенных пунктов, промысел черканами и плашками резко пал после того, как лучшие черканские лесные массивы выгорели.

По имеющимся данным, можно заключить, что добыча белки в крае в течение последних 30 лет не уменьшилась, но дается она все с большей затратой сил. Промышленникам приходится охотиться все более в отдаленных местах, где раньше охота совсем не производилась.

Сообщения, встречаемые в охотничьей литературе, что белка щенится и на севере до 3-х раз в год, едва ли верны. По единодушному мнению местных промышленников, белка щенится здесь раз в год, реже два, при чем второй помет нередко гибнет от мороза, что весьма вероятно при суровости местного климата.

Эпизоотии среди белок появляются нередко, производя огромные опустошения. Появление их промышленники связывают с недостатком пищи. Думается, что немалую роль играет инфекция. Два предыдущих года были в отношении заболеваний белки благополучны. Осенью 1924 г. эпизоотия среди белок появилась в нижней части бассейна р. Ваха и в соседнем с ним бассейне р. Агана. Здесь вымерла почти вся местная белка.

Погибшие экземпляры имели очень толще тело и шкурку, покрытую мелкими, величиной с булавоочную головку и меньше, пузырьками. На месте пузырьков шерсть легко вываливалась. Промышленники называют эту болезнь «белчьей оспой». По последним сообщениям, весной года находили экземпляры погибших белок, на шкурке которых имелись большие, величиной с медную копейку, синие пятна. Возникает вопрос, не переболела ли эпизоотия сюда из соседних сибирских губерний, страдающих ею еще с прошлого года. Зарождаются опасения, что эпизоотия будет продолжать распространяться.

Л и с и ц а.

Охота на лисицу производится, главным образом, в долине реки Оби и в низовьях ее притоков на обширных луговых пространствах — «торах». Для русского населения лисица является главным промысловым зверем. До прошлого года большую часть лисиц русские промышленники добывали ловушками со стрихнином. Ловушки закладывались в

туши павшего скота или в специальные приманки—куриц, рыбу и т. п., разбрасываемые по наиболее часто посещаемым лисицами местам. При этом промысле, особенно за последние годы—при плохом качестве стрихнины—огромное количество лисец, раскусивших ловушку, успевало угодить умирать за сотни сажен и целые версты, бесплодно теряясь и служа пищей другим лисицам, губя и их.

В настоящее время этот вид промысла запрещен. Запрещение больно ударило по экономике некоторых промышленников, вызвало с их стороны большое недовольство, но надо полагать, что проводимая мера быстро вызовет увеличение количества лисец, если иметь в виду и другие виды охраны их.

В настоящее время русские промышленники переходят к охоте на лисец с ружьем и в большем количестве, чем прежде, добывают их канканами. Осенью лисец загоняются на лошадей и с собаками. Остаточное население добывает лисец, главным образом, луками-самострелами, ружьем, канканами, реже слопцами.

Промысел луками-самострелами длится с наступления заморозков до того времени, когда толщина снега достигает $\frac{1}{3}$ метра. Луки устраиваются на берегах истоков или проток, соединяющих мелкие озера.

До прошлого года в крае с давних времен широко практиковались выемки молодых лисец с целью вскармливания их в неволе. Лисята вынимались из нор целыми гнездами до 10—12 штук в возрасте около 2-х недель. Первое время лисята вскармливались в маленьких садках, в которых они едва могли повернуться. Подростки лисята пересаживались в срубы, расположенные или на земле, или над ней на высоте до 1 сажени, на стойках. В срубе площадью в $3 \times 1\frac{1}{2}$ метра помещалось по 6 и более штук лисят. Сруб имел пол и потолок из жердей, сверху потолок закрывался берестяными покрывками. Обычно в одном хозяйстве вскармливало от 2 до 16, реже более, штук, но в исключительных случаях это количество превышало 100 на одно хозяйство (дер. Кунишикова, Сытоминского с/совета). Кормились лисята обычно рыбой.

Находясь в тесноте, без движения, часто в голоде, не менее полновымы пойманных лисец гибло, а оставшиеся в большей части имели малочисленную покурку. Убивались лисцы, за очень редкими исключениями, осенью того года, в котором они были пойманы. Чернобурые и другие ценные породы лисец попадали в неволю и вскармливались печально. За последние годы наблюдается относительное увеличение числа ценных экземпляров. В настоящее время выемка лисец с целью вскармливания их в неволе на убой воспрещена, но ссылаясь на основания утверждать, что в глухих местах она еще имеет место, и запрещенное вскармливание, очевидно, отпразднует свой столетний юбилей. Судя по архивным данным, еще в 1827 году правительством было издано распоряжение, воспрещающее выемку лисец и соболей с целью вскармливания их в неволе. Уже тогда правительство было обеспокоено уменьшением количества лисец. В течение последнего времени уменьшение продолжалось и Сургутский край, являвшийся в своем гербе лисицу на золотом фоне, не может похвалиться обилием лисец в настоящее время. В отдельные годы, совпадающие с годами обилия зайцев, в край заходит значительное количество лисец, которые так же быстро затем исчезают. Вообще же средняя годовая добыча их в настоящее время не превышает 1100 шт.

П е с е ц.

Песец встречается лишь в самой северной части края, севернее 64° северной широты. Южнее он заходит лишь случайно. Живет он в норах, устраиваемых в сонках тундр.

Взрослых песцов добывают сторожевыми луками, реже канканами, слопцами, загоняя их на оленях и скрадом со шитом. До прошлого года широко практиковалась выемка из нор песцов в молодом возрасте: «копанцев» и «норняков». Копанцем называется молодяк со дня рождения (конец мая—начало июня) до середины июля. С этого времени до начала сентября молодяк носит название «норняка», позднее—до середины октября—«крестоватика», в октябре—«снняка», в ноябре—«недонеска» и, наконец, в декабре молодяк вырастает во взрослого песца. В марте месяце песец начинает линять и носит название «душка», затем окраска вислоколенной шерсти его теряет всякую определенность, и лишь в середине августа песец принимает вид—«дошлого крестоватика», затем «снняка», «недонеска» и, наконец, «белого» песца, который с наступлением новой весны начинает вновь кругооборот смены своего наряда.

С о б о л ь.

Соболь играл в прошлом в добыче промышленников-остяков очень важную, если не главную, роль. Сто лет тому назад годовая добыча его определялась несколькими тысячами. Еще в начале этого столетия местными промышленниками убивалось до 800 шт. в год. Добывался соболь в южной части края и в верховьях рек: Югана, Балыка, Салыма, Демьянки и на водоразделе между последней и р. р. Б.-Туртасом и Тарой. Район последних 3-х рек не входит в состав края, но служит сотни лет местом охоты для юганских остяков. Многочисленные лесные пожары и постоянное, нерасчетливое преследование соболей привели почти к полному исчезновению их в крае. Годовая добыча последних лет колеблется в пределах от 25 до 45 штук. Интересно отметить, что в течение 2-х последних лет соболь появился хотя и в незначительном количестве севернее р. Оби, вплоть до верховьев реки Пура, т. е. до 64° град. северной широты, где ранее, по крайней мере в течение последних пятидесяти лет, его не было.

Добывается соболь исключительно ружьем и сетью. Последней окружают то место: дерево, чащу и т. п., где соболь спрятался. От собаки, играющей в охоте на соболя очень большую роль, требуются приблизительно те же качества, что и от белки, но в значительно более высокой степени.

По наблюдениям местных промышленников, местный соболь мало плодовит, даже по сравнению со своими сородичами. Самка метет обычно, одного, реже двух, очень редко трех соболят.

Куницы встречаются в крае очень редко. Несколько чаще встречаются «кидусы»—помесь соболя с куницей.

Цены на соболя не удовлетворяют промышленников, и последние задерживают добытые экземпляры в ожидании более высоких цен.

Резкое уменьшение количества соболей, наблюдаемое в крае в течение последних лет, вызывает опасение, что этот ценный национальный русский зверек скоро исчезнет совсем, если в самом ближайшем будущем не будут приняты меры к охране его. Меры эти должны быть бо-

лее рачительны и планомерны, чем предпринятые в 1911 году законом о пятилетнем запрещении охоты на соболей.

В связи с этим вопросом приходит на память поучительная история с бобром, когда-то в изобилии водившимся в Сургутском крае, но к настоящему времени оставившим нам лишь многочисленные названия его именем, речки и урочища, в которых он в былые время водился.

Заботы о бобре пришли несколько поздно. В 1851 г. в Сургутском крае было получено распоряжение, воспрещавшее ловлю бобров и рубку кустарников близ их поселений. Но еще в 1829 году на запрос губернатора о том, какое количество бобровой струи может быть заготовлено в Сургутском крае, местные власти должны были ответить, что бобры здесь уже перевелись.

В ы д р а.

Выдра сохранилась в глухих частях края, преимущественно в мелких местных речках, в значительном количестве.

Большая часть ее добывается луками-самострелами, устанавливаемыми на дорожках, по которым выдра проходит, чаще всего с одной «луки» реки на другую. Стрелы на выдру употребляются с большими, направленными назад крупными зубьями (рис. 2). Стрела привязывается к колу или пеньку дерева для того, чтоб подстреленная выдра не утонула ее с собой в воду. Реже выдру бьют ружьем, подкарауливая у сделанной ею проруби или у полыни. Ловят ее также загоняя в сети следующим образом: Заметив то место, где живет выдра, перегораживают речку сетями в двух местах—выше и ниже хода выдры в реку, прорубив для этого, если окажется пужным, проруби. Затем один из промышленников начинает пугать выдру, следуя сверху вниз, а второй ждет ее у нижней сети с ружьем или копьём наготове. Ловят выдру часто и «самоловами»—рядом больших острых крючков, привязываемых один над другим на веревку и спускаемых в прорубь там, где ожидается появление выдры.

К о л о н к.

Колонка добывают попутно—при охоте на белку—ружьем, черканами и палками. Прежде, когда было развито употребление черканов, много колонок ловилось ими. В настоящее время добыча колонок незначительна, не превышая 2.000 шт. в год. Понижению добычи колонок способствовали низкие цены, стоявшие на их шкурки. В текущем году, в связи с поднятием цен, а также с появлением колонок в большом числе, в ряде районов добыча их выше среднего. Появляясь в каком-либо районе в большом количестве, колонки наносят немалый вред охотничьему хозяйству, поедая почти всех белок.

Г о р н о с т а й.

Огромные луговые пространства края дают необъятный простор этому беспокойному маленькому хищнику. Количество горностаев в крае, как и многих других зверей, очень непостоянно. В годы обильного появления мышей и горностаи появляются здесь в большом числе. В течение последних лет добыча его была невелика вследствие низких цен на него. В настоящее время повышается и она. Добывают горностаев, глав-

ным образом, черканами, реже палками и выкапывают из нор, отыскивая последние при помощи собак.

Л о с ь.

Лось водится лишь в южной части края. В северной—он встречается очень редко. Главная охота на лосей в крае производится в бассейне р. Салыма, отчасти в Югане и Балике; кроме того, юганские остяки большое количество лосей бьют в верховьях р. Демьянки и на водоразделе между ней и р.р. Б.-Туртасом и Тарой.

К лету лоси, спасаясь от комаров, продвигаются на север—к Оби, на чистые сорочьи места. С наступлением осени—в начале сентября—лоси начинают перекочевывать на юг, обычно следуя вдоль рек, по определенным путям. Местные остяки устраивают для них загороди—«ачи», следующие обычно с запада на восток и перегораживающие пути передвижения лосей. Через определенные промежутки в загородах оставляют ворота, в которых настораживаются на высоте 1 метра луки-самострелы. Больше всего лосей бьют весной, загоняя их по пасту. Еще в 1923 году 4 промышленника в неделю убили слишком 40 штук лосей. Особенно добычлива, по слухам, была весенняя охота на лосей в 1925 году. В годы, обильные снегом, эта охота бывает вообще очень добычлива. Мясо убитых лосей увозится по частям домой, если охота происходит недалеко от дома. Обычно же оно разрезается тонкими слоями и вялится. Из отдаленных мест мясо вывозится не в один год. В таком случае оставляемое на месте промысла мясо складывают на полатах, устраиваемых на высоких пнях, специально срубленных деревьев на высоте до 3-х саж. и более над землей. Будучи предохранено от дождя берестяными покрышками, мясо не портится в течение ряда лет. Мясом лосей промысловое население р. Югана и М.-Салыма и некоторых других местностей питается большую часть года.

Еще в недалеком прошлом добыча лосей была настолько обильна, что мясо их не успевали провяливать, часть мяса бросалась; целиком увозились лишь шкуры. Подобное истребление лосей повело к резкому уменьшению их числа в крае: 25 лет тому назад их добывалось по 400 шт. в год, ныне в среднем—не более 150 в год. По мнению местных промышленников, лоси «откочевали» на юг. Вернее, они докочевали несколько дальше—«на тот свет». Со всеми этими хищническими приемами истребления лосей в настоящее время ведется борьба, которая, однако, надо полагать, затянется на длинный ряд лет.

Среди года лоси бьются в небольшом числе; осенью, во время гона, при помощи задерживающих их собак, и летом на речках и озерах, куда лоси выходят спасаться от комаров и мошек.

Д и к и й о л е н ь.

Дикий олень водится на всем пространстве края, но главная добыча его производится в тех же местах и теми же способами, что и добыча лосей. Северные оленные остяки и самоеды бьют диких оленей, подезжая к ним на домашних, или подбираясь скрадом со щитом.

Бьют иногда диких оленей в тех случаях, когда они замечиваются в стадо домашних оленей. Двадцать пять лет тому назад средняя годовая добыча их приближалась к 1.000 штук; в настоящее время она не превышает 500 штук.

М е д в е д ь.

Бурые медведи встречаются на всем пространстве края в большом количестве. В долине р. Оби они наносят огромный вред скотоводству, истребляя ежегодно в среднем около 10% лошадей и коров. Не застрахован от медвежьих зубов и когтей и мелкий скот. Часть медведей живет на одном месте в течение длинного ряда лет. Кроме того, ежегодно в крае наблюдаются перекочевки то большего, то меньшего количества медведей. Случается, что по одной тропе пройдет один за другим не один десяток медведей.

Вследствие опасности охоты на медведей и малой ее выгоды для русского населения специально на них почти не охотятся и оно остается целыми селениями только тогда, когда медведь своими опустошениями среди скота выводит, наконец, из терпения.

Остяцкое население хотя и считает медведя священным, сыном бога, свергнутом на землю за непослушание, но охотится за медведем значительно охотнее, чем русское население, главным образом, ради мяса и сала, которое остяки, в отличие от русских, едят охотно.

Больше всего добывается медведей ружьем, затем сторожевыми луками, кавканами, кулемами, наконец, стрихином и ловчими досками. Ружьем бьют медведей, преимущественно, в берлогах, реже с «лабаз» у убитой им скотины, а также при случайных встречах. Берлоги, найденные осенью, нередко оставляются до весны, когда снег углубит настолько, что будет мешать движению медведя.

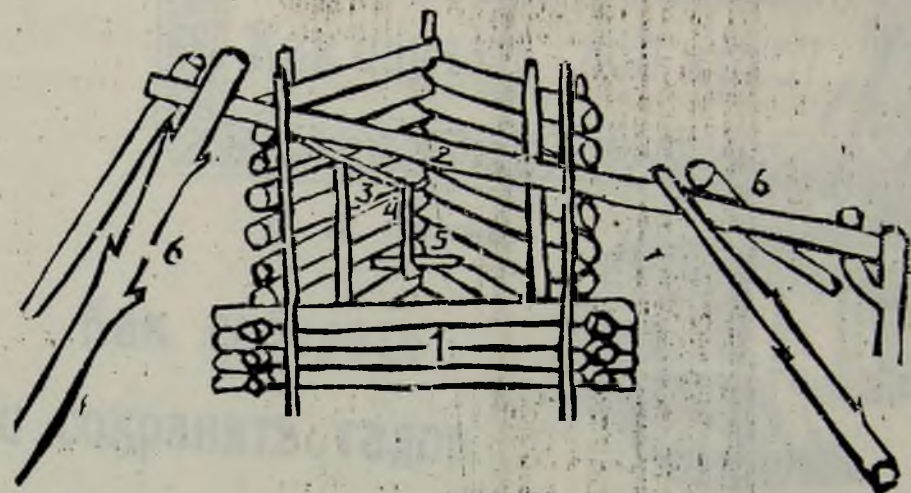
Для охоты на медведя собираются по 4—6 человек, так как всегда предстоит возможность натолкнуться на берлогу не с одним обитателем. Только одни лимские и казымские остяки ходят на медведя один на один.

«Чело» найденной берлоги заваливают срубленными деревьями, мешающими свободному выходу медведя из берлоги. Запертого таким образом медведя прощупывают деревянным прутом сквозь отверстие, прорубаемое в своде берлоги, и, определив, таким образом, место нахождения медведя, стреляют в него. Медведи, вышедшие из берлоги ранее, чем успели преградить ему выход, иногда задерживаются собаками. Но хороших «зверовых» собак, годных для этой цели, в крае мало. От случайных встреч с медведем охотник никогда не гарантирован и должен быть всегда готов к ним.

Сторожковые луки на медведя устанавливаются на высоте $\frac{3}{4}$ метра. Древко медвежьей стрелы надрезается для того, чтоб оно при попытке медведя вытащить из себя попавшую стрелу сломалось, оставив внутри медведя железный наконечник стрелы. В Агане, Тром-Югане и некоторых других местах успешно применяются для ловли медведя «кулемы», изображенные на рис. 7.

Кулема представляет трехугольное сооружение со стенками неодинаковой высоты. Две боковых стенки делаются высотой в 2 метра из обрубков деревьев длиной около 3 метров. Передняя стенка рубится из таких же обрубков, но только в 3—4 ряда, в высоту до $\frac{3}{4}$ метра и называется порогом (1). Для того, чтоб стенки не разваливались, по бокам их вбиваются колья или же при этом используются расстланные деревья. В последнем случае деревья срубляются на высоте 3—4 метров, иначе, качаясь от ветра, они стали бы срывать насторожку кулемы.

Рис. 7. КУЛЕМА.

Над порогом, вдоль его, помещается «игла» — дерево длиной в 7—8 метров, один конец которого закрепляется, а второй, находящийся над порогом, может подниматься и опускаться.

В поднятом, настороженном положении «игла» удерживается при помощи валька и насторожки.

Валец (3) — палка длиной около 1 метра — лежит на верхнем конце кола, служащего подставкой для него. К концу валька, противоположному тому, на котором лежит «игла», прикрепляется вторая палка, заканчивающаяся крюком. Крюк зацепляется за поперечину (5) — короткую жердь, врубленную в стенки кулемы, внутри нее. Ко крюку привязывается приманка, обычно тетерев или рыбак.

Иногда вместо палки с крюком употребляются более сложные, но и более чувствительные насторожки, при чем чувствительность не всегда является здесь положительным качеством.

На настороженную иглу кладется для придания падающей части большей тяжести ряд бревен (6). Иногда в часть «иглы», приходящуюся над порогом, закрепляют большие гвозди остриями вниз.

Медведь, обнаружив приманку, переступает передними лапами через порог, тянет приманку к себе, при чем крюк срывается, валец перевертывается, и «игла» с тяжестью всех лежащих на нем бревен валится на медведя и давит его.

«Ловчая доска» представляет тяжелую окованную железом доску размером 1×1 метр или несколько менее. В доску вбиты в 10—12 рядов по 10—12 в ряду железные зубья с большими обратными вниз бородками, как у зубцов остроги.

Доски ставятся на излюбленных медведями тропах или близ приманки.

Когда медведь ступает на доску лапа его попадает между зубьями ее и застревает между ними. Бородки зубьев мешают медведю вытащить лапу. Пытаясь освободиться от доски медведь становится на нее второй лапой, которая также застревает. То же происходит, в конце концов, с

третьей и четвертой лапами, и медведь в беспомощном состоянии валится на спину, подняв лапы с доской кверху. Промышленники говорят, что это медведь «читает евангелие», почему и ловчие доски называются здесь нередко «медвежьим евангелием».

Капканы—действительное орудие лова медведя, но количество их в крае ничтожно.

Вопреки мнению, высказанному Правлением Уральского Областного Союза Охоты, медведя легко отравить стрихнином, заложившим в тушу поваленного им животного, и этот способ широко и удачно применяется в крае, когда стрихнин было достать легко, а отчасти он применяется и в настоящее время.

Всеми перечисленными способами уничтожается в крае ежегодно до 100 медведей. Разумеется, эта убыль значительно менее ежегодного прироста их. Медвежий вопрос стоит здесь так же остро, как в других местах—волчий.

Россомаха и рысь.

Та и другая встречаются в крае нечасто и убиваются случайно, при охоте на других зверей, в количестве двух-трех десятков в год каждый. Россомах добывают иногда зимой сторожевыми луками.

Заяц.

Заяц водится южнее р. Оби; на северный берег ее он заходит редко.

Количество зайцев в крае крайне изменчиво. Они то появляются в огромном, порой баснословном количестве, то исчезают. Как велико бывает иногда количество зайцев, можно судить потому, что в 1920 году один юганский охотник с двумя несовершеннолетними помощниками добыл в одну зиму более 2500 зайцев.

В годы со средним количеством зайцев промышленники добывают их до 100 штук на хозяйство.

Добываются зайцы, главным образом, стрелами, затем капканами и сторожевыми луками и, наконец, силками.

Мясо зайцев охотники употребляют в пищу. Шкуры идут на изготовление одежды, а в годы изобилия зайцев шкуры идут в значительном количестве на вывоз.

Как изучать свой край?

К. П. Самю.

Как собирать и сохранять гадов.

Под названием *гадов* соединены два самостоятельные класса позвоночных животных, именно: *голые гады*, *амфибии*, или *земноводные* (тритоны, лягушки и жабы)¹⁾, и *чешуйчатые гады*, *рептилии*, или *пресмыкающиеся* (ящерицы и змеи). Оба эти класса различаются между собой как по строению своих наружных покровов (у земноводных кожа мягкая и слизистая, у пресмыкающихся она покрыта роговыми чешуйками), так и образом жизни (земноводные приурочены к водным бассейнам, где личинки их проходят все свое развитие, пресмыкающиеся же—обитатели суши).

Фауна гадов нашего округа известна до сих пор лишь в общих чертах. Самым северным пунктом, где их встречали, является, повидимому, гор. Обдорск. В целях выяснения как пределов распространения гадов на север, так и их видового состава в фауне нашего края, необходимы сборы их со всех мест округа.

Собирать гадов легче всего. Их почти всех (кроме, разумеется, змей) можно вполне безопасно брать руками. Только после жабы необходимо всегда вымыть руки. К жидкости, выделяемая ее кожей, раздвигает раны и может вызвать воспаление глаза, если она туда попадет.

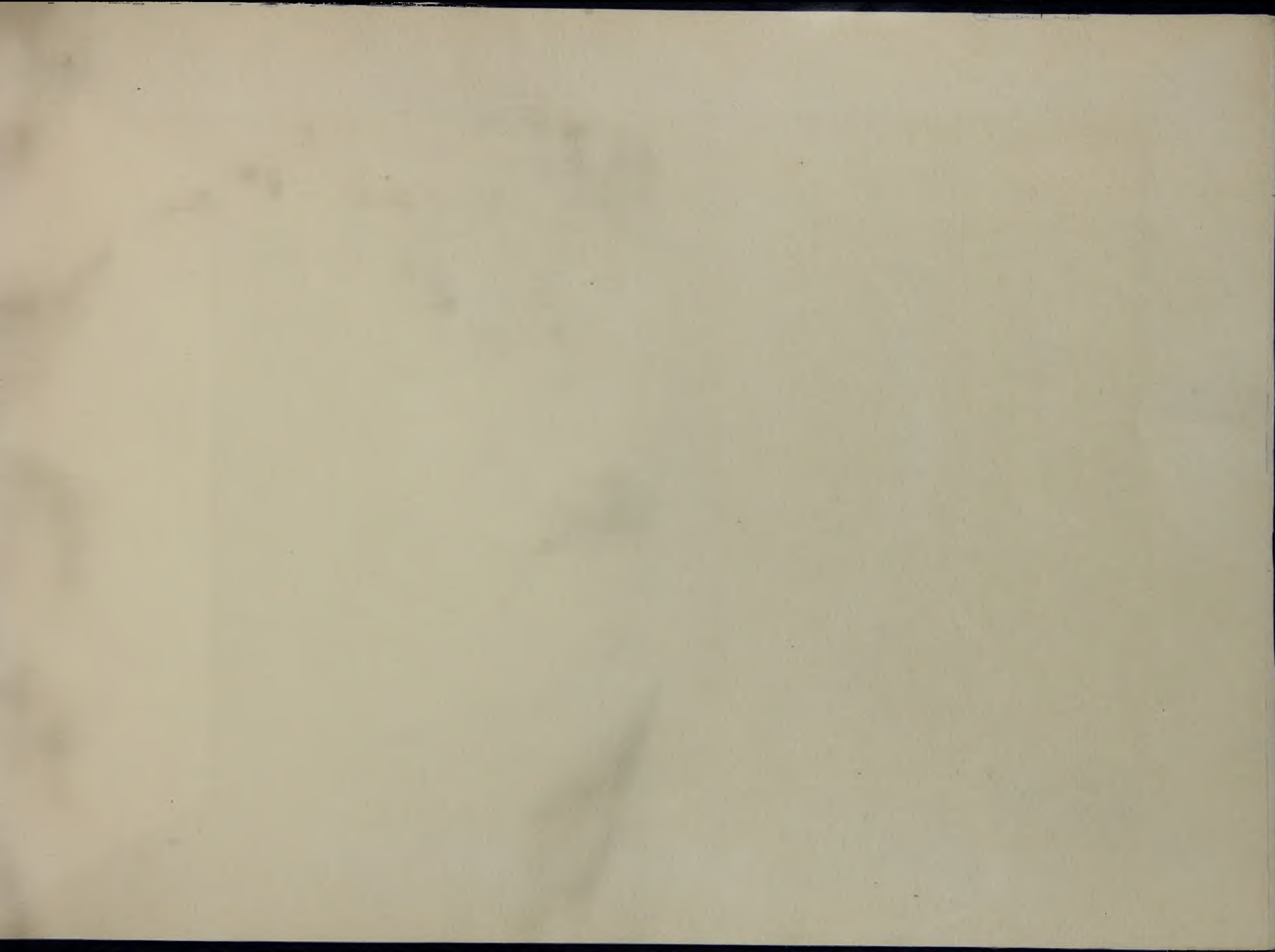
Приступая к сборам гадов, необходимо запастись орудиями лова, сборной экскурсионной банкой, стеклянной посудой для сохранения собранного материала и консервирующими жидкостями.

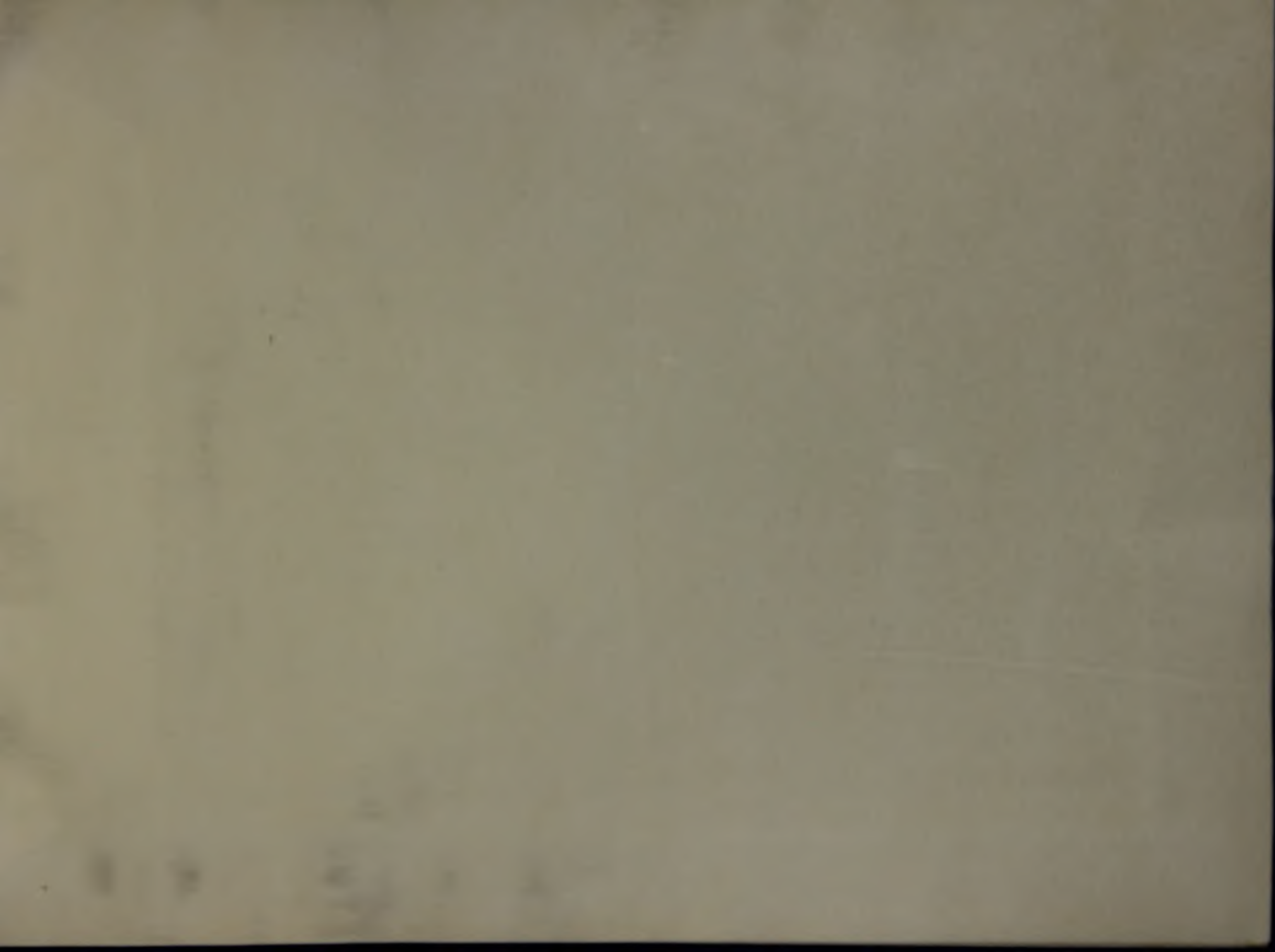
Из *орудий лова* пользуются вилкой, водяным сачком и крупным ситцем.

Вилкой называется специально устроенная массивная двузубая рогатка из толстого железа с круглыми, конически заостренными концами, зубцами. Длина каждого зубца не превышает 5—6 см., а расстояние между остриями зубцов делается не более 4—5 см. Такая рогатка насаживается на круглую толстую палку в 1 1/2—2 арш. длины.

Этот снаряд употребляется специально для ловли змей. Увидев ползущую по земле змею, ее прижимают вилкой к почве, стараясь ухватить

¹⁾ В скобках я помещаю те отряды гадов, представители которых встречаются в нашем округе.

4

92082004
Окружная библиотека

